

САТИРИКОНЪ

№ 13

еженедѣльное изданіе

1913

29 МАРТА 1913 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

VI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

на годъ—6 руб. 50 к.; на полгода—3 руб. 25 к.; на три мѣсяца—1 руб. 75 коп.; на 1 мѣсяць—60 коп.

Перемѣна адреса—городского на городской или иногородняго на иногородній—25 к.; городского на иногородній или иногородняго на городской—50 к.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛИ 60 КОП.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телеф. 514-27. Редакція: Спб., Литейный пр. 57. Телеф. 171-91 и 463-44

Рис. Ре-Ми.



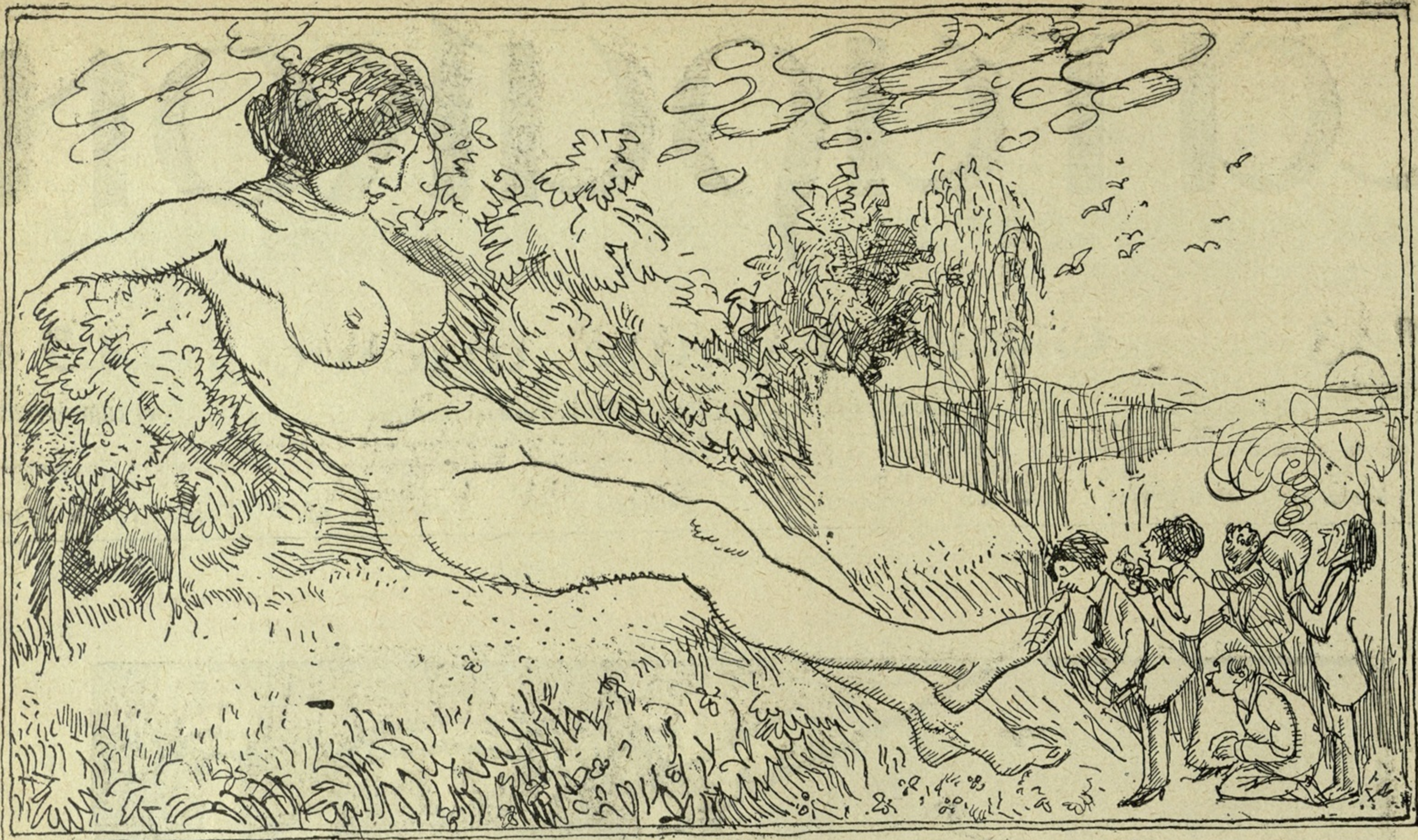
— Чтой-то вы дѣлаете, г. Бобринскій?

— Помогаю славянамъ покорять турокъ—прибиваю гвоздь ко вратамъ Царьграда... А славянамъ ужъ не трудно будетъ повѣсить свой славянскій щитъ на него...

— А если славяне не возьмутъ Константинополя?

— Это не бѣда! Я это предвидѣлъ, и для гвоздика вывѣсочку заготовилъ: «Продаются племенные поросята имѣнія Бобринскаго»,—передъ праздникомъ-то это какъ разъ!

Отъ редакціи.—Редакція приглашаетъ читателей подивиться той странной орфографіи, которой придерживался графъ Бобринскій, сочиняя вывѣску. Что это значить? Недоумѣваемъ.



ВЕСНА.

По веснѣ у всѣхъ одна мечта
 Будить чувство мыслью неизмѣнной.
 — О, скажи, Весна! Скажи, гдѣ та,
 Та, которая дороже всей вселенной.
 Сотни книгъ, прекрасныхъ мудрыхъ книгъ,
 Вѣчные вопросы, міровыя темы,
 Все отдамъ я за единый мигъ,
 За какой... ну, это знаемъ всѣ мы!
 Все обманетъ мертвый, зимній снѣгъ,
 Слезы осени подъ саваномъ тумана.
 Только ты, весна, пора влюбленныхъ нѣгъ,

Только ты и будешь безъ обмана.
 А обманешь если... ну, такъ что-жъ?!
 Ты своимъ обманомъ и красива.
 Есть, друзья, такая въ мирѣ ложь,
 Предъ которой даже Правда лжива.

За окномъ свирѣпой вьюги вой,
 А въ каминѣ меркнутъ угли тлѣя...
 И весны обманъ печальною зимой
 Вспомнимъ мы, и будетъ намъ теплѣе...

А. Радаковъ.

ШЕННЫЙ ФОНДЪ ДАМА ВЪ КОРИЧНЕВОМЪ ПЛАТЬѢ.

(Трагикомедія или комотрагедія).

Новосибирская
 областная научная
 библиотека

№ 8717117 / 7572

— Отчего Бальмонтъ не подошелъ
 подъ амнистію?
 — А чортъ его знаетъ.
 (Изъ разговора двухъ
 гимназистовъ).

«Дама въ коричневомъ платьѣ».
 «По Невскому, около стѣнъ каланчи,
 Шла дама въ коричневомъ платьѣ.
 Прохожихъ манили въ объятъя
 Весенняго солнца лучи.
 Извозчиковъ дрожки нахально звенѣли,
 Трамвай пронеслся, какъ бѣшеный левъ,
 И дама мечтала, слегка нараспѣвъ,—
 Дама съ глазами газели:
 — О Боже, какъ сладко мнѣ хочется спать.
 На грязномъ, облитомъ водой, тротуарѣ,
 Какъ схимникъ на голыхъ сосновыхъ доскахъ,
 Ахъ!
 Прилечь и забыться въ блаженномъ угарѣ,
 Волшебные сны увидать,
 Какъ волны ревнуютъ, какъ плачутъ кокосы,
 Какъ пляшутъ, разсѣявъ пушистыя косы,
 Фаланги безумныхъ, прекрасныхъ сиренъ...
 Но вдругъ задрожала. У каменныхъ стѣнъ
 Недремлющей башни съ большими шарами,—
 Кобуръ у бедра, портупея на рамѣ,—
 Таинственнымъ бѣлымъ жезломъ
 На пѣшихъ и всадниковъ страхъ нагоняя,
 Стоялъ онъ, блюститель спокойствія края,
 И дама поникла въ безсилыи челомъ.
 Мечты улетѣли, печально читая
 Въ незаблемомъ взорѣ суровую рѣчь:
 — Попробуй-ка, матушка, лечь.

Тиранъ ненавистный, безумный гонитель
 Святой красоты,
 Свободной мечты,
 Не дамъ тебѣ дамы въ коричневомъ платьѣ,
 Прелестнѣйшей дамы полночной страны,
 Проклятье, тройное проклятье,
 Вставай, подымайся, рабочій народъ,
 Гонителю дамъ,
 Умру, а не дамъ».

Въ стихотвореніи «Дама въ коричневомъ платьѣ» вкра-
 лась досадная опечатка. Кто-то изъ наборщиковъ по ошибкѣ,
 —впрочемъ, допускаемъ и провокацію,—вставилъ въ текстъ
 фразу «Вставай, подымайся, рабочій народъ». Просимъ чи-
 тателей извинить невольное искаженіе прелестнаго стихотво-
 ренія высокоталантливаго автора.

Редакція «Свободнаго Слова».

— Что вы говорите мнѣ, уважаемый Павелъ Андреевичъ?
 Какъ это нѣтъ преступнаго умысла? Прежде всего, я не вѣ-
 рю въ извиненія редакціи. Всѣ редакторы врутъ, и мнимая
 опечатка просто попытка спасти автора. А потомъ, что это
 за таинственная дама въ коричневомъ? Или вы забыли, что
 «Свободное Слово» архижидовскій органъ? Стали-бы они пе-
 чатать стихотвореніе безъ тенденціи...

— Но какую-же можно видѣть тутъ тенденцію?

— А вотъ какую. Въ Россіи, видите-ли, такъ тяжело
 живетъся, что даже спать спокойно нельзя.— Но, позвольте, ваше высокопревосходительство,
 вѣдь во Франціи, Германіи, Австріи спать на тротуарахъ такъ
 же не разрѣшается.— Ахъ, вы опять съ вашей Франціей и Германіей.
 Тамъ своя жизнь, а у насъ своя. Россіи Западная Европа не
 указъ. И потомъ, что это за «святая свобода мечты»? Вѣдь

подъ нее чортъ знаетъ, что можно подвести. Я мечтаю, на примѣръ, государственный банкъ ограбить. Такъ, ужъ полиція и мѣшать не смѣй? Такъ, что-ли, по вашему?

— Н-да. Пожалуй, выраженія не совсѣмъ удобныя.

— То-то и оно-то.

— Ваше заключеніе, господинъ прокуроръ?

— Я полагаю-бы, въ виду несомнѣнныхъ признаковъ наличности преступной пропаганды въ стихотвореніи «Дама въ коричневомъ платьѣ», выразившихся: 1) Въ ироническомъ отношеніи къ представителю полицейской власти (статья такая-то). 2) Въ восхваленіи «святой свободы мечты», что, по моему мнѣнію, представляетъ собой замаскированный призывъ къ анархіи (статья такая-то). 3) Въ цѣломъ рядѣ оскорбительныхъ выраженій по адресу полицейской власти, какъ-то «тиранъ», «безумный гонитель дамъ» и т. п. (статья такая-то). 4) Въ явно революціонныхъ призывахъ къ сопротивленію власти «вставай, подымайся, рабочий народъ», «умру, а не дамъ» и т. п. (статья такая-то)—номеръ журнала «Свободное Слово», въ которомъ напечатано стихотвореніе «Дама въ коричневомъ платьѣ» конфисковать и уничтожить, автора-же стихотворенія привлечь къ уголовной отвѣтственности по такимъ-то и такимъ-то статьямъ.

— Судомъ наложенъ арестъ на № 12 журнала «Свободное Слово» за помѣщенное въ немъ стихотвореніе «Дама въ коричневомъ платьѣ». Авторъ привлекается къ судебной отвѣтственности. Редакторъ оштрафованъ на 500 руб.

(Изъ газетной хроники).

— Господинъ, купите. Запрещенный номеръ «Свободного Слова». Очень великолѣпное стихотвореніе «Дама въ коричневомъ платьѣ» господина NN. Дешево беру, всего полтинникъ съ вашей милости. На Невскомъ по два рубля продаютъ.

— А молодецъ NN.

— Да, ловко отшелкалъ буржуевъ.

— Вѣдь дама—это Россія?

— Ну, конечно.

— А городской—Держиноговъ?

— А можетъ-быть, Котидло-Вертихвостовъ?

— Вообще, полицейскій режимъ.

— Придется бѣдному съ «Крестами» познакомиться.

— Руки коротки. Онъ въ Швейцаріи.

— Да, кто бы могъ ожидать этого отъ NN.? Пѣвецъ чистаго искусства—и вдругъ такое гражданское стихотвореніе.

— Значитъ, порядочный человѣкъ. Пошлемъ ему сочувственный адресъ.

— Великолѣпно.

(Изъ разговоровъ учащейся молодежи).

— Позвольте представиться, сотрудникъ и корреспондентъ «Русской Разногослицы». Проѣздомъ черезъ Лозанну, по специальному порученію редакціи, просилъ бы васъ не отказать мнѣ въ пятиминутной бесѣдѣ.

— Чѣмъ могу служить?

— Какова была основная идея вашей «Дамы въ коричневомъ платьѣ»?

— «Дама въ коричневомъ»? О, это съ виду юмористическое стихотвореніе полно глубокаго трагическаго смысла. Я воплотилъ въ прекрасной дамѣ въ коричневомъ платьѣ... А знаете, почему въ коричневомъ, а не въ сѣромъ, черномъ, красномъ?.. Коричневый цвѣтъ, — цвѣтъ стуженныхъ солнечныхъ лучей, эссенція свѣта подлѣ облакомъ печали. Прекрасная дама,—мировая скорбь, такая же очаровательная, и немногимъ понятная красавица. Она хочетъ лечь въ грязь,—что это значить? Грязь—наша пошлая буржуазная жизнь, равнодушіе и грубый эгоизмъ которой она, благодѣтельная фея міра, мечтаетъ заразить священной тоской о свѣтѣ солнца, счастья любви, оживляющемъ для человѣка всю природу,—волны, кокосы, камни, лунный свѣтъ... Вы поняли?

— О, конечно, какая дивная, глубокая философія!.. Ну, а городской?

— Городовой,—символь темныхъ, варварскихъ силъ жизни, сытаго, спокойнаго довольства, животнаго объяденія, животнаго разврата, всего, чѣмъ крѣпокъ современный социальный строй. Проникнетъ мировая скорбь въ мракъ невѣжества,—царство звѣря и его рабовъ рухнетъ само собой. И онъ, этотъ символъ, стоитъ на стражѣ его.

— А заключеніе?

— Заключеніе,—протестъ души поэта противъ насилія надъ благородной мечтой освободительницы человѣчества.

— Но, знаете-ли, ваше стихотвореніе поняли не со-

всѣмъ такъ. Въ немъ увидѣли призывъ къ революціи, гражданской борьбѣ, въ дамѣ въ коричневомъ —символь Россіи.

— Да, какой-то сумасшедшій наборщикъ... Замѣйте разъ навсегда. Я не признаю никакой пропаганды. Поэтъ поетъ, а не учитъ. Мнѣ рѣшительно все равно, какъ понимаютъ мои стихотворенія. Вы говорите—Россія? Что-жъ, отчасти, пожалуй, и вѣрно. Въ нашей родинѣ не мало мѣста для мировой скорби. Русскіе —люди, а не ангелы.

— Ну, что, что — не былъ я правъ? Читайте вотъ здѣсь, отмѣчено карандашемъ. «Въ Россіи живутъ не ангелы». Самъ сознался, шельма. О, этотъ декадентъ,—коварнѣйшая штука.

— «Пѣвецъ чистой красоты и врагъ пошлой дѣйствительности не былъ чуждъ и гражданской дѣятельности. Его граціозное и сильное стихотвореніе «Дама въ коричневомъ платьѣ» проникнуто пламеннымъ протестомъ народнаго трибуна противъ неправды и насилій современнаго поэту государственнаго и общественнаго строя. «Дама въ коричневомъ» имѣла шумный успѣхъ въ свое время и вызвала массу болѣе или менѣе удачныхъ подражаній. Но поэту пришлось поплатиться за нее долгими годами изгнанія и разлуки съ родиной...».

(Изъ біографіи автора «Дамы въ коричневомъ платьѣ»).

Е. Кривцовъ.

Рис. Альтмана.



ЭТО ХУДОЖНИКЪ РЕРИХЪ.

— Рерихъ!—скажетъ представительница прекраснаго пола, надувъ хорошенькія губки.—Рерихъ, который предпочитаетъ писать «каменныхъ бабъ», а не наши портреты въ изящныхъ туалетахъ. Да, это не то, что душа Бодаревскій, не то...

— Рерихъ!—скажетъ представитель капитала. — Это тотъ, который пишетъ какія-то древнія неодоходныя городища, вмѣсто хорошаго, доходнаго «небоскреба», какая отсталость!?

— Рерихъ!—скажетъ г. Большевикъ.—Это тотъ, который не стыдился писать бутафорскія постановки для театра, восхищающія Парижъ, въ то время, когда у насъ, въ Думѣ, постановка вопроса о рабочихъ массахъ такая бутафорская?

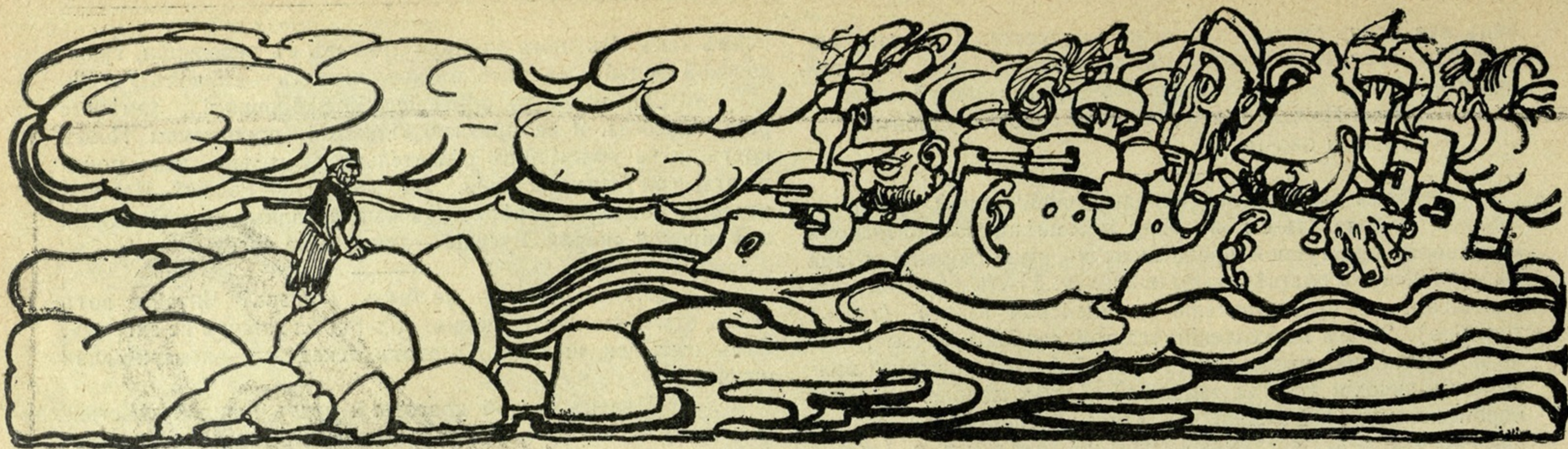
— Да,—скажемъ мы.—Это тотъ самый.

Г. Рерихъ, очевидно, забылъ слова поэта: «Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ», почему бы, дѣйствительно, не написать г. Рериху парочку небоскребовъ, массовку и т. д.

Правда, художники, художественные критики и знатоки восхищаются картинами г. Рериха, платятъ за нихъ огромныя деньги, пишутъ о нихъ книги, но намъ, знающимъ кулисы искусства, это вполне понятно.

Дѣло въ томъ, что г. Рерихъ состоитъ директоромъ «Поощренія Художествъ».

Ахъ! Въ Россіи такъ развито чиновничество!



ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ.

I.

«Въ Киевѣ на могилѣ Ющинскаго союзниками отслужена панихида. Присутствовало всего 10 союзниковъ».

(«День»).

Самъ себя готовъ я высѣчь,
Самъ себя готовъ повѣсить!
Ну, пускай бы 10 тысячъ,
Но—не 10, но—не 10!!!

Неужели у Союза
Больше силъ не оказалось?
Неужель, о сжался, Муза,
Это—все, что тамъ осталось?!

Самъ себя готовъ я высѣчь,
Самъ себя готовъ повѣсить!
Вмѣсто грозныхъ сотенъ тысячъ,
Только—десять! только—десять!

II.

«За статью «Безплодіе 4-й Гос. Думы» газета «Правда» оштрафована на 500 руб.».

(Изъ газетъ).

«Мы, руку приложившіе
Къ прошенію, какъ слѣдъ,
Въ супружествѣ прожившіе
Пятнадцать слишкомъ лѣтъ,
Я—сынъ купца Егорова,
И я—его жена,—
Праскева Христофорова,
До брака—Ильина,
Напрасно отъ безплодія
Лечились смѣсью травъ,
И ваше благородіе
Назначить молимъ штрафъ.
Дабы за укрывательство
Безплодія сего,
Отъ вашего сіятельства
Намъ ни было чего».

Джо.

САРДИНКА.

(Психологическій этюдъ).

Для того, чтобы играть на человѣческой психологіи, совершенно не нужно имѣть головы.

Лучшимъ примѣромъ тому служитъ сардинка.

Я не знаю существа, обладающаго болѣшимъ умѣніемъ проникать въ глубь человѣческой совѣсти, чѣмъ эта невзрачная, плавающая въ маслѣ, рыбка.

При вскрытіи свѣжей коробки съ сардинками, дѣйствіе ихъ, какъ отдѣльныхъ личностей, довольно ничтожно, и только когда начинаетъ сквозить дно жестянки, сознание присутствующихъ проясняется.

Радость получившихъ свою долю первыми, становится столь же очевидной, какъ и запоздалая скорбь обдѣленныхъ. Все рѣже и рѣже протягивается трепетная рука, чтобы унести маленькое безголовое тѣлице, и все жестче становятся провожающіе ее взгляды присутствующихъ.

Когда на днѣ остается три сардинки, надо обладать исключительнымъ безстыдствомъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ двѣ.

Слѣдующій за этимъ моментъ самый сложный по тяжести атмосферы и разнообразію переживаемыхъ ощущений.

За опущенными вѣсками хозяевъ умираетъ послѣдній лучъ надежды накормить, изъ той же жестянки, болѣе семи челоуѣкъ, недѣлю спустя. Двѣ оставшіяся рыбки обводятъ присутствующихъ ясными дѣтскими взглядами, говоря:

— Что-жъ вы остановились? Берите и насъ, берите.

Трудно, почти невысказуемо, выдержать самому жадному гостю такой взглядъ, ибо, почти всегда, душа сильнѣе тѣла.

Только хозяйка дома въ состояніи понять всю его ясную глубину, и набравшись въ ней новой великой силы, она скажетъ, обращаясь привѣтливо ко всѣмъ:

— А что же вы, господа, сардинокъ? Забыли?

И мягко отнявъ икру, заботливо вамъ подвинетъ, на все готовая, сардинки, которыя вы передадите сосѣду, ловко потянувъ къ себѣ, стоящіе противъ него, грибки.

Такъ пойдутъ онѣ вокругъ стола, отдающіяся и манящія, но вѣчно цѣлыя, охраняемыя своимъ одиночествомъ и своей вѣшной безпомощностью.

Во имя ихъ, васъ будутъ лишать филейной колбасы, и семги, и балыка. Вы, можетъ быть, пойдете домой голоднымъ, и сѣрымъ покажется вамъ мѣръ; жадными представятся вамъ хозяева, и безстыдно-запасливыми нѣкоторые гости.

Но гдѣ-то, въ самой глубинѣ вашей души, тамъ, гдѣ родится совѣсть и великодушіе, и то чувство, что охраняетъ отъ вашихъ зубовъ одинокую сардинку, и отъ затрешины, пачкающаго въ гостяхъ ваше платье, младенца,—тамъ будетъ теплиться тихая, великая мысль.

— Ты—человѣкъ. Поднимешь-ли руку на сардинку?

А утромъ, когда жена, привыкшая видѣть въ васъ друга, спроситъ:

— Какъ ты думаешь, хватить намъ на сегодня закуски? Будетъ шесть челоуѣкъ... Правда, у насъ еще остались сардинки.

Вы отвѣтите:

— Хватить. Сардинки еще останутся.

— Ну, конечно, не звѣри же они какіе-нибудь,—согласится жена.

— Нѣтъ, они люди,—тихо скажете вы.

И, постигнувъ на одинъ мигъ все величіе этого слова, поймете, какъ можно пятью рыбами накормить тысячи челоуѣкъ.

При условіи, что эта рыба—сардинка.

Георгій Ландау.



ИЗЪ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХЪ МОТИВОВЪ.

I.

Литературы нѣтъ у насъ.

Книгопродавцевъ все же трое.

— Что покупаютъ?—«Сила въ насъ», «Сто постныхъ блюдъ», «О геморроѣ», Учебникъ, сказку иногда...».

Нашъ книжный рынокъ—пепелище.

А на читательскомъ пастбищѣ

Пасутся Битнера стада!

II.

Приѣхалъ новый полицмейстеръ,

Еще не зналъ его никто.

Сошлись Хаймовичъ, Липманъ, Эйстеръ:

— Изъ Энска?.. Ну?.. Дешу!.. Что?

«Энскъ. Нахумовичу. Съ отвѣтомъ.

Береть? Хаймовичъ, Инскъ, свой домъ».

Отвѣтъ: «Что значить! И при этомъ

Еще ругается жидомъ».

Ю. Нилонъ.



МУЖИЦКІЙ СПОРТЪ.

— Теперь, значить, будемъ говорить такъ: что будетъ скорѣй—новый овесъ или кобыла сдохнетъ?

Рис. А. Р.

НИЧТОЖНАЯ
ЛИЧНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ

АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО.

Лежа въ кабинетѣ на диванѣ съ книгой въ рукахъ, я услышалъ голоса, доносившіеся изъ передней...

— Ну, что, какъ твой баринъ?

— А что-съ?

— Его нѣтъ дома? Да?

— Нѣтъ-съ, помилуйте—дома.

Долгая пауза послѣдовала за этимъ отвѣтомъ. Потомъ первый голосъ, проникнутый глубокимъ изумленіемъ, воскликнулъ:

— Ну, что ты такое говоришь? Неужели?!..

— Такъ точно. Дома.

— Вотъ-то штука! Ты увѣренъ въ этомъ?

— Баринъ въ кабинетѣ на диванѣ читаютъ книжку.

— И къ нему можно? Можетъ быть, онъ боленъ? Нынче всѣ болѣютъ.

— Никакъ нѣтъ; не боленъ.

— Чудеса!.. Ну, проводи меня къ нему.

Кирпичевъ показался въ дверяхъ. Этого Кирпичева я уже не видѣлъ... не помню сколько.

Петербургъ странный городъ: кажется, будто позавчера только встрѣчался на Невскомъ со знакомымъ человѣкомъ. А онъ за это время или уже Европу успѣлъ объѣхать и жениться на вдовѣ изъ Иркутска, или полгода, какъ застрѣлился, или уже десятый мѣсяцъ сидитъ въ тюрьмѣ, по причинѣ, очень теперь распространенной въ нашей великой, могучей Россіи: взяли просто и посадили человѣка; тамъ, моль, видно будетъ за что!

И, напрягнувъ память, вспомнилъ я, что, дѣйствительно, не видѣлъ этого Кирпичева мѣсяцевъ пять-шесть.

А, можетъ быть, и два года. Странно живутъ нѣкоторые изъ насъ.

Если не ошибаюсь, послѣдній разъ сидѣли мы съ компаніей за ужиномъ у Кюба. За ужинъ, помню, платили мы съ Кирпичевымъ. То есть, платитъ хотѣли всѣ, но каждый, кромѣ насъ двухъ, выразилъ такое вялое, малокровное желаніе слазить въ карманъ за бумажникомъ, что мы, какъ болѣе проворные, въ теченіе пяти минутъ, расплатились за всѣхъ. Кто-то, правда, выразилъ даже протестъ по поводу нашего поведенія, но выразилъ этотъ негодующій протестъ очень лѣниво и, не докончивъ фразы, тотчасъ же задремалъ.

Съ Кирпичевымъ я никогда не былъ близокъ, но мнѣ всегда нравилось его спокойное джентльментство въ отношеніяхъ съ окружающими и безбрежное простодушіе, которое привлекало всѣ нетребовательныя сердца къ этому тароватому, благожелательному человѣку:

Теперь онъ казался похудѣвшимъ, немного потрепаннымъ, но ясная благожелательная улыбка все время освѣщала усталое, потемнѣвшее лицо.

— А, Кирпичевъ!—привѣтствовалъ я его.—Радъ, что вспомнили. Пять мѣсяцевъ не видѣлись.

— Полтора года. Послѣдній разъ, полтора года тому назадъ у Кюба ужинали.

— Ну, какъ ваша техническая контора? Прощѣтаетъ?

Онъ замахалъ на меня руками и разсмѣялся такъ, что закашлялся.

— Эко кого вспомнили! Покойницу... Я, вѣдь, батенька, пролетѣлъ съ конторой.

— Да, что вы!

— Ей-Богу, — радостно сообщил онъ, улыбаясь усталымъ ртомъ. — Чрезвычайно пролетѣлъ. Потомъ устроилъ автомобильный гаражъ и тоже пролетѣлъ, потомъ купилъ магазинъ предметовъ для спорта и уже окончательно пролетѣлъ. Очень, знаете, это не весело.

Но, говоря эти слова, онъ противорѣчилъ тому выраженію, которое было написано на его лицѣ: выраженіе лица его было самое веселое.

— Да съ... все, знаете-ли, пошло прахомъ: пролетѣлъ, можно сказать, самымъ циничнымъ образомъ. Предлагали мнѣ тогда одну комбинаційку, благодаря которой можно было не малую, а большую толику въ карманъ зажать, да какъ-то не могъ я. Хи-хи-хи! Ну, да ничего, знаете-ли, все на свѣтѣ поправимо. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Сегодня я растерялъ всѣ перья, завтра ближніе помогутъ обрости. Не правда-ли?

Я помолчалъ.

— Я говорю: не правда-ли, а? Все, глядишь, и устроится.

Разглядывая съ суровымъ вниманіемъ свои ногти, я неохотно процѣдилъ:

— Да... гм... бываетъ. Бываетъ, что и устраиваются.

— То-то и оно.

Я бросилъ на него исподлобья быстрый взглядъ и, увѣрившись, что онъ по-прежнему безмятеженъ, перевелъ разговоръ.

— Лазаренку давно встрѣчали?

Онъ засмѣялся.

— Охъ, батенька! Лазаренка этотъ прямо какой-то пренесчастный типъ! Сколько разъ я къ нему ни захожу, ни звоню по телефону—все нѣтъ дома. Все, вѣроятно, романы съ дамами. Конечно, онъ холостой человѣкъ, но, вѣдь, такъ и известись можно. На-дняхъ звоню къ нему—будто его голосъ по телефону: «Кто говоритъ?».—Я отвѣчаю: «Кирпичевъ». И вдругъ тоненькій женскій голосокъ кричитъ: «Его нѣтъ дома! Повѣсьте трубку!». Умора.

Я для чего-то перелисталъ книгу и спросилъ:

— А у этого... какъ его! У Тарасевича... Бываетъ?

— Тоже онъ занятой человѣкъ. Вотъ вѣдь странный городъ Петербургъ, какъ подумаешь: онъ высасываетъ у человѣка все свободное время и ни на минутку не даетъ пожить для себя. Заѣзжаю къ Тарасенкѣ, разъ—нѣтъ дома! заѣзжаю другой—нѣтъ дома, третій разъ—нѣтъ дома! «Да, гдѣ-же онъ?».—«То въ судѣ, то на какомъ-то засѣданіи, то на дѣловомъ завтракѣ или обѣдѣ».—«Да когда его можно застать?».—«Не знаемъ».—«Да вы скажите этому чудаку, что Кирпичевъ, его пріятель Кирпичевъ, хочетъ его видѣть. Пусть онъ самъ мнѣ напишетъ, когда у него свободная минутка выберется... Оставилъ свой адресъ... Вы думаете, получилъ отвѣтъ? Ни-ни! Впрочемъ, наша петербургская почта... На нее не надѣйся, не правда-ли?

— Да ужъ... почта...—пробормоталъ я.

— То-то и оно. И, главное дѣло, очевидно, что жизнь усложняется съ каждымъ днемъ. Помню я, года два тому назадъ какъ-то свободнѣе жилось и время для всего находилось, а нынче... (Онъ махнулъ рукой). Прямо таки, я не знаю—куда мы идемъ? И что будетъ съ нашими дѣтьми, если даже мы уже—расшатанные скверные неврастеники, несущіеся, сломя голову, въ погоню за дѣлами...

— Да,—разсѣянно вздохнулъ я.

— Конечно-же, правильно. Да вотъ даже взять Костю Свѣтлякова—милаго лѣнтя, гуляку и бездѣльника Костю. И тотъ какимъ-то образомъ по уши погрязъ въ дѣлахъ. Захожу какъ-то на-дняхъ къ нему пораньше, чтобы ужъ навѣрное застать. «Доложите, говорю, барину, что Кирпичевъ пришелъ, его пріятель. Баринъ-то, конечно, дома?».—«Какъ-жеся, дома; сейчасъ посмотрю». Вернулась: «нѣтъ дома».—«Какъ такъ нѣтъ? Въ это-то время?».—«Да, говоритъ, по дѣлу куда-то уѣхалъ».—«Чудеса! Да, когда-же онъ вернется».—«Неизвѣстно; до вечера, говоритъ, по дѣламъ поѣхалъ». Какой-то поэтъ сказалъ: «Городъ жестокой Богъ и мы его рабы!»... И вѣрно. Ужъ если Костя Свѣтляковъ изъ господина города въ раба превратился...

Я искося взглянул на Кирпичева; мнѣ все казалось, что я подмѣчу на лицѣ или ироническую улыбку или горечь во взглядѣ голубыхъ глазъ...

Ничего подобнаго... Лицо Кирпичева сіяло, по-прежнему.

— Вотъ такъ живутъ, живутъ люди всю жизнь въ суетнѣ, въ бѣготнѣ, и такъ дойдутъ они до самаго смертнаго одра своего. «Боже ты мой, скажутъ. Да, вѣдь, мы до сихъ поръ ни разу на себя, какъ слѣдуетъ, не оглянулись!». А гдѣ ужъ тамъ оглядываться, когда этакая тетя за спинкой кровати стоитъ и косою размахиваетъ. Хи-хи-хи!

Несмотря на веселую мину, можно было подмѣтить во всемъ лицѣ Кирпичева большую безмѣрную усталость. Я замѣтилъ, что нѣсколько разъ онъ поднималъ руку, собираясь, очевидно, поправить скривившееся на носу пенсне, но рука останавливалась на половинѣ и падала, будто-бы возложенное на нее предпріятіе казалось ей непосильнымъ и требующимъ затраты громадной энергіи.

— Прямо таки я даже удивляюсь, что засталъ васъ дома. Перваго теперь такого человѣка встрѣчаю, со старозавѣтными традиціями.

Я поспѣшилъ сказать:

— Это совершенно случайно! Рѣдкій случай! Обыкновенно, меня не бываетъ дома.

— То-то мнѣ это и показалось дикимъ. Живутъ нынче всѣ на ходу и даже въ погонѣ за благами жизни о здоровьѣ своемъ забываютъ. Захожу я на прошлой недѣлѣ къ Веденяпину. Конечно, первымъ долгомъ: «Дома баринъ?».—«А сейчасъ узнаю». Ушелъ, потомъ приходитъ обратно въ переднюю: «Дома нѣту. По дѣламъ уѣхамши».—«Экая жалость. Даромъ, значить, я пѣшкомъ по такому морозу съ Васильевского ташился. Вдругъ—гляжу на вѣшалку—старая знакомая виситъ во цвѣтѣ лѣтъ: веденяпинская шуба. «Постой, говорю я, какъ же ты говоришь, что барина дома нѣтъ, когда его шуба виситъ. Я то ее, голубушку помню—еще портному тогда, когда заказывали,—ручался».—«Дѣйствительно, говоритъ малый, это баринова шуба. Только, значить, говоритъ, баринъ въ драповомъ пальтѣ уѣхалъ». Смѣхъ меня взялъ: «Эхъ ты, говорю я, тетеря; да, вѣдь, драповое пальто вонъ оно подъ шубой-то виситъ. Значить, твой баринъ въ какомъ же уѣхалъ. Неужто же въ лѣтнемъ?!».—«Значить, говоритъ, въ лѣтнемъ!». Только это и оставалось предположить.

Кирпичевъ въ горячности вскочилъ съ кресла.

— Подумайте! Вы только подумайте! Въ 12-градусный морозъ—и человѣкъ, поглощенный дѣлами, въ лѣтнемъ пальтишкѣ на улицу выскакиваетъ. Да, вѣдь, это безуміе! Вѣдь онъ воспаленіе легкихъ могъ схватить. У людей никакого вниманія, никакого уваженія къ своему здоровью. А потомъ когда схватитъ какую-нибудь цацу на горло или въ легкія—запляшетъ, да поздно! Нервный, безумный, разсѣянный народъ. При встрѣчѣ не узнаютъ, носятся по городу въ морозъ въ лѣтнемъ пальтишкѣ или просаживаютъ время и деньги на женщинъ, позабывъ о собственномъ домѣ и хозяйствѣ.

— Печально, печально,—покачалъ я головой.—А у васъ, вѣдь, кажется, былъ какой-то закадычный другъ Сипачевъ. Онъ въ городѣ?

— Онъ-то въ городѣ, но къ нему братъ пріѣхалъ въ гости. То все дома не заставлялъ его цѣлый годъ... а потомъ... Да! Вѣдь съ этимъ братомъ прекуръзная исторія вышла. Прямо расскажи кому—не повѣрятъ. Смѣхи!

Дѣйствительно, онъ засмѣялся.

Манера смѣяться была у него такая: онъ закидывалъ голову и, трясясь, какъ котель, переполненный паромъ, отмахивался руками будто отъ какого-то невидимаго шутника, очень его насмѣшившаго...

— Такъ вотъ: прихожу я къ Сипачеву; стою въ передней. Выходитъ его жена. «Дома Гриша?»—«Нѣтъ его. Уѣхалъ».—«Ахъ, какая жалость!»—Вдругъ нечаянно дверь въ сосѣднюю комнату пріоткрывается—и что-же! Вижу—вотъ какъ васъ сейчасъ—у стола стоитъ Сипачевъ. «Да, вотъ-же, говорю я женѣ, вотъ, Марья Афанасьевна, Гриша». А она мнѣ: «Гдѣ, говоритъ? Вотъ этотъ? Да это не Гриша».—«А кто-же это?».—«Да это, говоритъ, его братъ пріѣхалъ изъ Калуги, близнецъ. Очень на него похожъ». Я такъ и ахнулъ! Вѣдь бываетъ-же такое сходство! Хи-хи! Гдѣ-то я даже читалъ рассказъ, какъ жена путала двухъ братьевъ-близнецовъ—мужа и его брата—и какія смѣшныя штуки изъ этого получались. Я, помню, очень тогда смѣялся...

— Да, да,—сказалъ я.—А мнѣ какъ разъ нужно сейчасъ нѣсколько дѣловыхъ писемъ написать.

— Ахъ, я васъ задерживаю, — засуетился онъ. — Я, вѣдь, признаться, по маленькому дѣльцу зашелъ. Вы хороши съ Чукмасѣвымъ?

— Хорошъ. А что?

— Не напишите-ли вы ему письмо обо мнѣ. Онъ, вѣдь, имѣетъ большое значеніе въ Южномъ Банкѣ, а я имѣю въ виду одну комбинацію.

Я подумалъ.

— Нѣтъ, я не могу написать письма. Никакъ невозможно.

— Что вы говорите! Почему?

— У меня рука болитъ.

— Ну, что вы говорите! Экая досада! Что-же съ вами такое?

— Не знаю. Прямо таки пошевелить трудно. Ревматизмъ, что-ли.

— Ахъ ты, Господи! Вы бы муравьинымъ спиртомъ... Очень, говорятъ, помогаетъ.

— Хорошо, хорошо.

— Только какъ-же вы давеча говорили, что дѣловыя письма-то писать будете... Съ больной рукой неудобно.

Я бросилъ на него испытующій взглядъ. Лицо его ничего не выражало, кромѣ самаго неподдѣльнаго участія.

— Письма? Да я ихъ сначала обдумую, а потомъ... этого... барышнѣ продиктую. Знаете, на машинкѣ.

— Ахъ, да, впрочемъ... Вѣрно. А скажите... Можетъ быть, вы бы мнѣ продиктовали для меня письмо, а я бы...

— Не могу. Продиктовать-то я продиктую, чудакъ вы человѣкъ, а какъ-же подпишу его, если рука не дѣйствуетъ. А безъ подписи оно и не годится.

— Да, да. Вѣрно, вѣрно. Хи-хи. Вотъ-то куръезный случай!.. Ну, я пойду. Бувайте здоровеньки, какъ говорятъ хохлы. Хи-хи.

И онъ ушелъ.

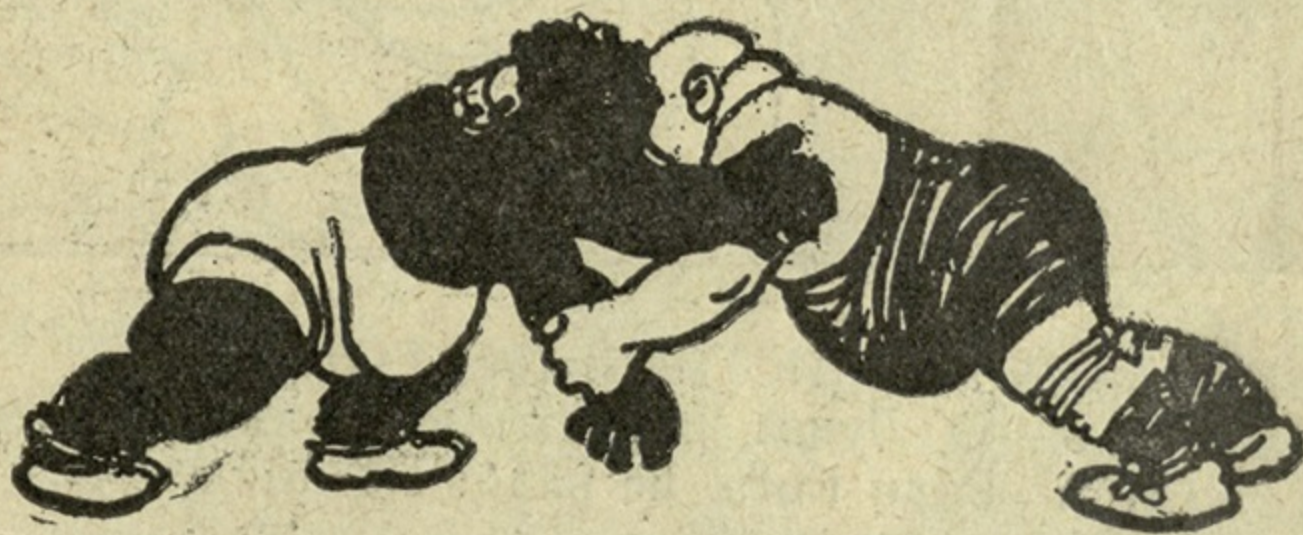
И теперь, сквозь стѣны своего дома, я вижу его, этого нелѣпаго человѣка, выброшеннаго жестокой жизнью изъ нашей человѣческой компаніи, выброшеннаго, отставленнаго отъ насъ, презираемаго нами и никакъ не хотящаго понять этого...

Вижу его сквозь стѣны своего дома, вижу, какъ онъ заходитъ къ Свѣтлякову и, не заставъ его дома, плетется къ Веденяпину, потомъ къ Сипачеву, изумляется сходству одного единственнаго близнеца съ самимъ собою, и потомъ идетъ онъ къ Тарасевичу, а потомъ ко мнѣ...

Я встаю съ дивана и, открывъ дверь въ переднюю, кричу слугѣ:

— Если этотъ Кирпичевъ придетъ еще одинъ разъ—меня нѣтъ дома. Когда бы ни спросилъ...

Аркадій Аверченко.



«РЕЦЕНЗЕНТЪ».

Рецензентъ изъ журнала «За Сценою»
Ужъ давно заявляетъ претензіи
На знакомство съ самой Мельпоменою
И на глупыя горе-рецензіи...

Цѣлый вечеръ торчитъ за кулисами,
Въ видѣ сваленной тамъ декорации;
Постоянно «флиртуетъ» съ актрисами
Безъ различія въ «классахъ и націи».

Если-жъ, вмѣсто улыбки, пощечина
Оглушить закулиснаго нытика—
То виновную ждетъ червоточина:
Безпардонная, бранная «критика»!

А отвѣтитъ любая взаимностью—
Въ театральномъ журналѣ «За Сценою»
Рецензентъ, опьяненный «интимностью»,
Называетъ актрису «безцѣнною»...

Въ ней онъ видитъ просвѣты реакціи,
Свѣтлый лучъ надъ землею задавленной...
Пусть порой «объясненіе» въ редакціи,
Но зато «гонораръ» у прославленной...

Евгеній Яновскій.



ЧТО НАИСТРАШНѢЕ ЕСТЬ?
 Онъ.—О, Луиза, пойдемъ въ болѣе уединенный уголокъ! Здѣсь меня пугаютъ твои предки на стѣнахъ!..
 Она.—Ради Бога, не надо! Не пойду..
 — Но почему же?!.
 — Потому что тамъ я буду бояться... потомковъ!..

ПРАВИЛА ДЛЯ ЛИЦЪ, ЖЕЛАЮЩИХЪ ПРОЯВИТЬ СВОИ ЧУВСТВА ВО ВНѢ.

Посв. администраторамъ.

I) Если кто изъ обывателей ощутитъ чувство, имѣющее характеръ общественный или политическій, и пожелаетъ оное проявить во внѣ, то обязанъ: 1) лично явиться въ мѣстный полицейскій участокъ (а въ деревнѣ къ стражнику); 2) предъявить свой видъ на жительство; 3) заявить о возникшемъ въ душѣ чувствѣ вышеупомянутаго характера и подать прошеніе о разрѣшеніи выраженія онаго чувства во внѣ.

II) Мѣстныя власти (буде въ городѣ), предварительно снесшись съ мѣстнымъ отдѣленіемъ по охранѣ общественнаго порядка и государственнаго спокойствія, восходятъ съ представленіемъ по начальству въ порядкѣ подчиненности съ ходатайствомъ о выдачѣ просителю свидѣтельства на предметъ выраженія чувства во внѣ (т. е. на улицахъ, площадяхъ, набережныхъ и тому подобныхъ мѣстахъ).

III) Если высшее губернское начальство (губернаторъ, градоначальникъ), сообразивъ совокупность общественныхъ

настроений, признаетъ ходатайство заслуживающимъ удовлетворенія, то выдаетъ свидѣтельство, которое направляется просителю черезъ мѣстную полицію.

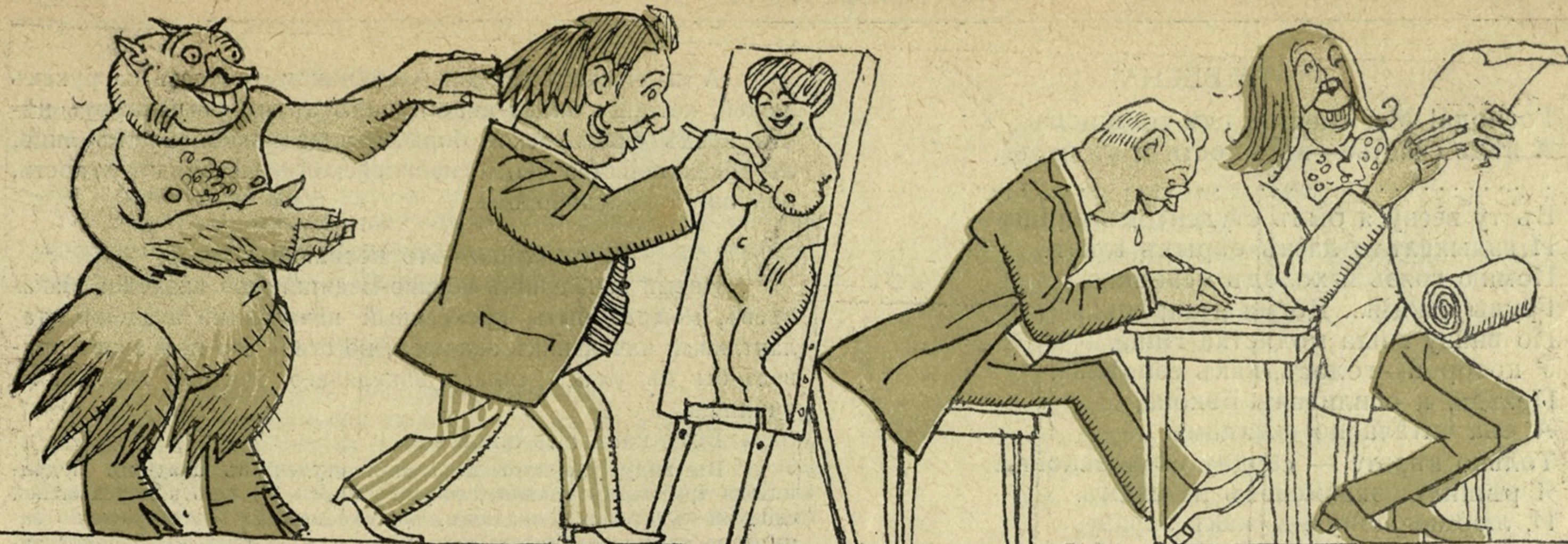
IV) Свидѣтельство сіе лицо, желавшее выразить свои чувства во внѣ, должно имѣть при себѣ и предъявлять по первому требованію полиціи.

МОТИВЫ.

Буде кому покажется, что исходатайствованіе свидѣтельства на многое время отдалаетъ моментъ возникновенія чувства отъ проявленія его во внѣ, то да сообразитъ: 1) коль глубокія чувства будутъ теплиться въ груди обывателя все время, потребное на хожденіе по дѣлу объ исходатайствованіи свидѣтельства, то этимъ укажетъ на похвальную устойчивость и благородную твердость возникшаго чувства; 2) чувства легкія и поверхностныя остынутъ и улягутся, и можетъ статься, что свидѣтельство будетъ возвращено начальству неиспользованнымъ съ благодарностью.

Предоставимъ судить обывателю, сколь сіе благотворно отзовется на общественномъ порядкѣ и спокойствіи.

Красный.



— Дѣточки!—сказалъ Сатириконъ своимъ сотрудникамъ, — милыя мои дѣти! Меня опять обидѣли въ цензурѣ, заступи- тесь за меня! А какъ это сдѣлать, я научу васъ!—Мы заступимся за тебя, о, Сатириконъ! — закричали редакторъ, художникъ, и поэтъ, голосами, въ которыхъ слышались раскаты грома...

— Ты, редакторъ, — сказалъ Сатириконъ, — напиши такой фельетонъ, передъ которымъ Декамеронъ показался бы скром- нымъ, цѣломудренно-чистымъ дневникомъ институтки, постарайся, мой мальчикъ. Ты, художникъ, нарисуй рисунокъ, передъ которымъ картины Буше должны показаться скучными чертежами, а Леда Корреджіо неаппетитной кухаркой, купившей на базарѣ вмѣсто курицы лебедя. Ты, поэтъ, напиши стихи—Пьера Люиса помножь на Лохвицкую, подбавь немного Кузьмина, а для за- паха пусти двѣ-три фразочки эго-футуристовъ—оно и ладно будетъ! Остальное дѣло за мной. Не забывайте, дѣти, что теперь весна...



...«Глаза ея горѣли, пурпурныя уста были полуоткрыты, ея бюстъ бурно волновался, вотъ отлетѣла одна пуговица, другая, и онъ увидалъ.

Комната пошла кругомъ.—Оставь, оставь, прошу тебя! — шептала она въ полузабытыи. Онъ.

Цензоръ. Однако... гм... даже жарко стало.

— «Да! Я твоя,—она сказала, И увлекла его въ лѣсокъ... Сопротивляться онъ не могъ. Весна ему не позволяла. Она, преодолевая страхъ, Ему шепнула:—Милый, ахъ!.. А онъ.

Нашли тамъ смятые цвѣты». Цензоръ.—Фу ты, чортъ, какъ это онъ все изобразилъ-то... Не могу, ей-ей, не могу. Ну, и должность наша тяжелая... особен- но весной-то.

— Это еще что такое! О, Богъ мой, точ- но нарочно... Хи-хи... Курьеръ!! Скажи, что я ушелъ сегодня раньше... нездоровится что-то...



Вечерѣло... истома ранней весны разлилась въ воздухъ, хотѣ- лось тосковать, читать стихи Надсона, хотѣлось героизма и милыхъ женскихъ ласкъ, приласкать лошадь, извозчика...

Какая-то стройная, изящная дама поравнялась съ цензоромъ и обожгла его страстнымъ, таинственнымъ взглядомъ, много, о какъ много сулившимъ.

— Сударыня... погодите, сударыня, я хочу вамъ что-то ска- зать... право, очень интересное.

Еще таинственнѣе, еще загадочнѣе заблестѣли глаза прекрас- ной незнакомки, и мелодичный голосъ прошепталъ:—идемъ...

— Суда...

— А, такъ это ты такъ на службѣ глаза надъ рукописями портишь! Хорошъ, нечего сказать!—вдругъ раздался сади цензора страшный, знакомый голосъ его уважаемой супруги Ифигеніи Ка- питоновны.—Маршъ домой, тамъ я съ тобой поговорю...

Въ тихомъ вечернемъ воздухѣ раздался злобщій смѣхъ Са- тирикона (вы, конечно, догадались, что эта дама была—переодѣтый «Сатириконъ»), а въ лиловыхъ сумеркахъ виднѣлся силуэтъ цен- зора и его супруги, во время извѣщенной вѣрными сотрудниками Сатирикона.

Вотъ оно какъ, другъ-читатель. Только этимъ нынче и можно отомстить цензорамъ.

ТА ВЕСНА.

Господа! Мы счастье гдѣ-то ищемъ,
А вѣдь счастье—въ юности и въ насъ...

Въ ту весну я былъ студентомъ-нищимъ
И вздыхалъ о ласкѣ сѣрыхъ глазъ.
Помню грязь и холодъ мезонина,
Груды лекцій... Догма и апрѣль!..
Но внизу жила модистка Нина,
У которой—голосъ, какъ свирѣль...
Правда, я осиливалъ Бэкона,
А она читала по складамъ,
Только вѣрте — сердцу нѣтъ закона...
Я рѣшилъ: экзаменовъ не сдамъ.
И, любовь почуявъ, какъ заразу,
Понялъ я—нельзя идти назадъ:
Я влюбился бѣшено и сразу
Въ Нининъ голосъ, талию и взглядъ...
Обоюдно... Бѣгали, встрѣчались
Каждый день—всю ночь и до утра...
Ревновали... Дулись... Цѣловались...
—Золотая, нѣжная пора!
Не въ пальто, а въ продранной накидкѣ,
Безъ калошъ—и денегъ ни гроша—
Ждешь ее, волнуясь, у калитки,
И поетъ счастливая душа.
Жду—смотрю налѣво и направо,
А придетъ, обниметъ—и пошли...
Забывалъ я догмы и уставы,
А она—иголку и рубли...
Все прошло. За столъ и за квартиру
Мнѣ судьба урокъ подогнала,
Нина жить къ какому-то банкиру
—Для сестеръ и матери—пошла...

Вотъ теперь я сытый и довольный
Провожая каждую весну,
А въ душѣ какъ-будто что-то больно,
Что-то жаль—что больше не верну..

Такъ мы всѣ волнуемся и ищемъ,
То, что насъ согрѣло и ушло...
Господа, какъ радостно быть нищимъ,
Если въ сердцѣ—нѣжно и свѣтло.

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Полицейская пляска на свѣжей могилѣ.

Екатеринославскій полиціймейстеръ Феличкинъ пишетъ «письмо въ редакцію» газеты:

Въ сообщеніи вашемъ о времени, предшествовавшемъ кончинѣ покойнаго губернатора В. В. Якунина, вѣроятно, благодаря недостаточной освѣдомленности интервьюера, вкралась нѣкоторая неточность.

Въ виду того, что память о Владимірѣ Васильевичѣ дорога мнѣ настолько-же, насколько и другимъ, присутствовавшимъ у его смертнаго одра, прошу Васъ не отказать отмѣтить, что покойный губернаторъ скончался на рукахъ у меня и у И. В. Новицкаго, причемъ оба мы, въ присутствіи врачей, гг. Грюнталь и Зубкова, до послѣдней минуты, держали подушку съ кислородомъ.

Тутъ же, рядомъ, напечатано письмо какого-то Розмарицы, очевидно, опасавшагося какъ-бы Феличкинъ не пришелъ на полголовы впередъ въ этой своеобразной скачкѣ и не оставилъ позади себя ретиваго Розмарицу:

Я, какъ непосредственный свидѣтель послѣднихъ часовъ покойнаго, находившись въ день смерти безотлучно у постели больного до послѣдняго его вдоха, считаю теперь своимъ долгомъ описать все какъ было въ дѣйствительности.

В. В. скончался ровно въ 12 ч. дня, не на рукахъ у г. Новицкаго и полиц. Феличкина, какъ это сообщ. вчера въ мѣстныхъ газетахъ, а лежа въ постели. Въ моментъ смерти у постели больного находились: жена покойнаго Варв. Фед., врачъ Грюнталь и Зубковъ, И. В. Новицкій, я и камердинеръ покойнаго Яковъ.

Участіе-же распорядительнаго Феличкина Розмарица характеризуетъ такъ:

Когда Вл. Вас. испустилъ послѣдній вздохъ и врачъ Грюнталь удостоверилъ это, сдѣлавъ мнѣ знакъ головой (?!), я вышелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ находились г-жа Бучинская, чиновн. особ. поруч. Семеновъ и полиц. Феличкинъ и сообщилъ имъ о случившемся несчастіи. Послѣ этого полиц. Феличкинъ вошелъ въ комнату покойнаго и дѣйствительно взялъ и держалъ подушку съ кислородомъ (шестую), но уже было поздно—кислородъ уже былъ не нуженъ.

У кого-же на рукахъ скончался бѣдный губернаторъ?

Феличкинъ говоритъ—у него.

Розмарица говоритъ—у него.

А мы скажемъ: не дай Богъ никому умирать на рукахъ людей, которые около неостывшаго трупа устраиваютъ нѣчто вродѣ французской борьбы, тыча покойному въ лицо, въ доказательство своей полицейской распорядительности, подушку съ кислородомъ.

Стиль—это человекъ.

Новый начальникъ военно-медицинской академіи Макавѣевъ, можетъ быть, прекрасный начальникъ академіи, талантливый начальникъ академіи, но стиль его приказовъ привелъ-бы въ ужасъ самаго захудалаго учителя городского училища...

Вотъ какъ онъ пишетъ:

Въ виду упорнаго нежеланія студентовъ академіи подчиниться требованію закона, завершившагося (?) сего 9 марта общей сходкой въ столовой академіи, постановившей (?) прекращеніе занятій и снятіе отличительныхъ военныхъ знаковъ съ установленной формы одежды, военный министръ приказалъ... и т. д.

«Законъ завершился сходкой», «академическая столовая постановила».

Еще Петръ Великій сказалъ:

Всѣ указы писати, если ихъ безграмотно составлять...

Восторженный бессарабець.

«Земщина» сообщаетъ:

Хомяковъ, замѣтивъ, что Синадино привѣтствуетъ приглашенныхъ въ Думу болгаръ, сказалъ: «Это бессарабскій патриотизмъ». Синадино обидѣлся. Помахивая пальцами передъ носомъ Хомякова, Синадино заявилъ, что онъ не въ правѣ такъ говорить. Хомяковъ воскликнулъ: «Но смѣете махать руками, нахаль».

Тысяча первая иллюстрація къ тезису: языкомъ болтай—рукамъ воли не давай.

Кладбище.

Даже М. О. Меньшиковъ недоумѣваетъ:

Прямо странно было-бы въ двухмилліонномъ городѣ, если-бы скопленія публики не появлялись отъ времени до времени. Если въ данномъ случаѣ толпа пѣла пѣсни и выкрикивала невѣжливыя замѣчанія по адресу одной сосѣдней монархіи, то это та легкая степень безпорядка, съ которою слѣдовало-бы мириться. Вспомните, какъ шумны нѣкоторые западные и южные города, особенно итальянскіе, съ ихъ уличными пѣвцами и даже цѣлыми хорами. Почему улицѣ быть беззвучной?

Петербургскія улицы, по сравненію съ кievскими и одесскими, производятъ впечатлѣніе кладбища, по которому бродятъ унылыя сироты.

Что ужъ тамъ говорить объ уличныхъ пѣвцахъ и хорахъ, когда ретивое начальство запретило даже выкрикиванія газетчиковъ, такъ оживляющихъ улицу, и закрыло послѣ одиннадцати часовъ всѣ кафе.

Попробуйте тутъ развеселиться.

Ты только что развеселился, а тебя «кулакомъ въ морду»—«потому что, какъ характерно выразился 17 марта одинъ полиційскій офицеръ,—вы ничего другого и не можете ожидать».

Торжество полиціймейстера.

13 марта въ окружномъ судѣ разсматривались два аналогичныхъ дѣла—по обвиненію витебскимъ полиціймейстеромъ Грузиновымъ редакторовъ «Рѣчи» и «Сатирикона» въ диффамаци.

Хотя дѣла были одинаковые—приговоры оказались разными:

Редакторъ «Рѣчи» Ивановъ былъ оправданъ.

Редакторъ «Сатирикона» Аверченко обвиненъ и приговоренъ къ семидневному заключенію.

Оправданнаго Иванова восторженная публика засыпала цвѣтами; обвиненнаго Аверченко разъяренная толпа чуть не разорвала въ клочки, стремясь устроить самосудъ надъ злодѣемъ.

Сдѣлался-ли полиціймейстеръ Грузиновъ отъ этого лучше, чище, возвышеннѣе и благороднѣе—неизвѣстно.

Рѣдкій экземпляръ.

«Московская Газета» сообщаетъ:

Инспекторъ народныхъ училищъ предложилъ землевской земской управѣ изъять изъ народныхъ и школьныхъ библиотекъ сочиненія Гоголя: «Заколдованное мѣсто», «Ночь подъ Ивана Купала», «Пропавшая грамота» и книгу Марка Твэна «Принцъ и нищій». Изъятыя книги инспекторъ предложилъ немедленно сжечь.

Этотъ умный инспекторъ классифицируетъ книги, вѣроятно, такъ:

Тонкая книга—сжечь ее.

Толстая—оставить.

Такого инспектора можно не любить, но уважать—должно.

Кстати: въ Петербургѣ скоро открывается специальная выставка издѣлій изъ дерева и кожи.

Искреннее веселье.

Въ Петербургѣ умѣютъ веселиться.
Рецензентъ «Биржевыхъ» пишетъ о борьбѣ:
*Подъ гомерическій хохотъ всей публики Сабатье и Твардов-
ский набили другъ друга чуть-ли не до полусмерти.*
Вѣроятно, эта публика только тогда раскусить, въ чемъ
дѣло, когда ее самое избыютъ до полусмерти подъ гомери-
ческой хохотъ Сабатье и Твардовскаго.

Пустые звонь.

Въ «Симбирскихъ Вѣстяхъ» читаемъ:
Мѣстный теренгульскій торговецъ винами Ф. Д. Морозовъ око-
ло своего ренскаго погреба повѣсилъ вывѣску, на которой изобра-
женъ колоколь—фабричная марка виннаго фабриканта Шустова.
Священникъ Востоковъ усмотрѣлъ въ этомъ оскорбленіе религиозна-
го чувства и съ помощью полиціи добивается, чтобы злополучная
вывѣска была снята.

Есть такая пословица:

— Не посмотрѣвъ въ святцы—бухъ въ колоколь!

А тутъ человекъ и въ святцы, вѣроятно, ретиво за-
глядывалъ, и, все-таки, не въ тотъ колоколь бухнулъ.

По-нашему мнѣнію, тотъ «Колоколь», который из-
дается въ Петербургѣ—въ тысячу разъ больше оскорбляетъ
религиозное чувство, чѣмъ Шустовскій...

Товарищи по несчастью.

К. Бальмонтъ въ «Бирж. Вѣд.» пишетъ:

Я думаю, что сейчасъ на всемъ земномъ шарѣ есть только
двѣ страны, гдѣ сохранилась святыня истинной первобытности: Рос-
сія и Новая Гвинея

Если принять во вниманіе, что у насъ есть Хвостовъ,
Неровня, Толмачевъ и Кассо, то Россія, конечно, не обидится
за сравненіе.

А Новая Гвинея обидится.

Юмористъ изъ Неѣлова.

Въ село Николино, Смоленск. губ. явился богатый крестья-
нинъ сосѣдней деревни Неѣлова Ф. С—чъ и на просьбы николинцевъ
угостить ихъ, предложилъ отвезти его въ родную деревню на боронѣ
какъ покойника, со всѣми приличными случая обрядами.

За это покойникъ предложилъ алчущимъ николинцамъ двѣ
бутылки водки въ задатокъ и четверть—по доставкѣ.

Большими охотниками позабавить разошедшагося богача вы-
звались четверо николинцевъ, распредѣлившихъ между собой роли
такъ: двое изъ нихъ впрягаются въ борону, одинъ долженъ быть
«діакономъ» и одинъ «голосить».

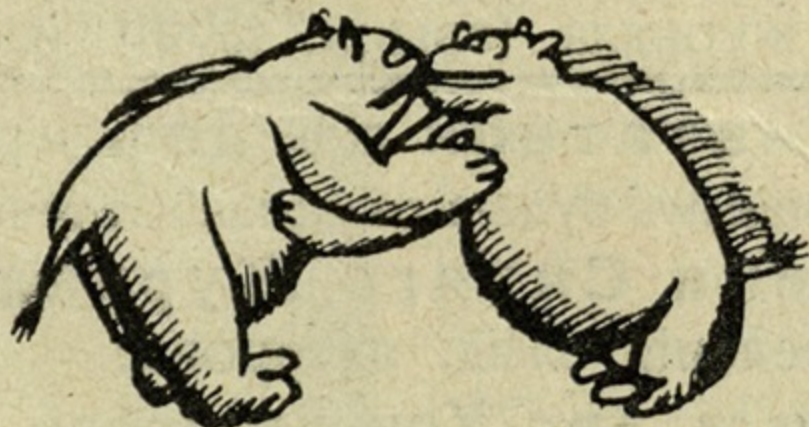
Сказано—сдѣлано.

Въ мигъ появляются задаточныя двѣ бутылки и... борона. За-
датокъ выпить.

С—чъ ложится на борону, какъ покойникъ, и процессія тро-
гается.

Пара двуногихъ гнѣдыхъ медленно тянутъ странный ката-
фалкъ. Впереди идетъ «діаконъ» и, размахивая дубинкой, изобража-
ющей кадило, служить «панихиды» по «усопшемъ». Эту дикую про-
цессию замыкаетъ плакальщикъ, который, причитая, возносить зем-
ную жизнь «покойника». У-у-у!—надрывался любитель-плакаль-
щикъ.

Вотъ ужъ о комъ можно сказать съ полнымъ правомъ
«веселый человекъ былъ покойникъ».



(«Перья изъ хвоста»—на 14 стр.).

ДУНЯША.

Ты горничной графини
Проводишь дни свои,
Тебѣ не слышны нынѣ
Родные соловьи.
Ты ходишь въ кофтѣ модной,
Въ прическѣ городской,
Такою благородной,
Господскою такой.
Ты знаешь всѣ повадки
Субретокъ записныхъ,
Хоть свѣтъ твоей лампадки
Благоговѣнно тихъ.
Ужъ ты краснѣть умѣешь
Не только отъ стыда,
Хоть молишься, говѣешь
И плачешь иногда.
Сказавъ: «ихъ нѣту дома»,
Ты будто ждешь щипка—
Тебѣ уже знакома
Нахальная рука.
И съ дворникомъ Иваномъ
Болтая вечеркомъ,
Не прочь ты дернуть станомъ
И кокетнуть бедромъ.
Ужъ ты постигла кройку
И можешь снять фасонъ,
И вяльцевскую тройку
Поешь подъ граммофонъ...
И все-таки, Дуняша,
Весною иногда,
Когда свѣтлѣй и краше
Вечерняя звѣзда,
Ты, вѣрно, у окошка
Стоишь и смотришь вдаль...
Дуняша, вѣдь немножко
Тебѣ деревни жаль?
Деревни, гдѣ не надо
Ужимокъ городскихъ,
Гдѣ сонно бродитъ стадо
И дымный вечеръ тихъ?

Потемкинъ.

ОГНЕПОКЛОННИКЪ.

— Слышали? Зміевскій инспекторъ народныхъ учи-
лищъ приказалъ сжечь въ библіотекахъ сочиненія Гоголя!

— Ну, что-жъ тутъ удивительнаго: употребленіе огня
извѣстно дикимъ съ незапамятныхъ временъ.

ПРИ РАЗСЛѢДОВАНИИ.

— Господа! По поводу инцидента 17 марта я долженъ
въ наше оправданіе указать на то, что жалобъ ни отъ кого
не поступало. А разъ не было жалобъ, нѣтъ, значитъ, и по-
терпѣвшихъ...

— Ну, а вдругъ жалоба отъ кого-нибудь поступить?

— Поступить?! А вотъ тогда онъ у меня узнаетъ, какъ
жаловаться...

Волкъ.

Духи

GABILLA

PARIS

Послѣднія новости:

Лямбръ де Габилля
Минъ
Ксанто
Виолетъ дэ Габилля

Ле Рэвъ дэ Габилля
Фоль Пассионъ ЛяВержъ фоль
Ля Розъ дэ Габилля. Ле Вукэ дэ Габилля
Ту ле Прентанъ.



25. ВЪ POISSONNIÈRE. PARIS
Продажа въ главныхъ магазинахъ
и у парфюмеровъ

ILLUSTRATION
-PHOTO-

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА „САТИРИКОНА“.

Вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

Вып. 1-й. Аркадій Аверченко.
» 2-й. Тэффи.
» 3-й. Аркадій Аверченко.
» 4-й. Джакобсъ.
» 5-й. О. Л. Д'Орь.
» 6-й. Джеромъ К. Джеромъ.
» 7-й. Влад. Азовъ.
» 8-й. К. Эттингеръ.
» 9-й. Тэффи.
» 10-й. Шоломъ-Алейхемъ.
» 11-й. Арк. Аверченко.
» 12-й. Рода-Рода.
» 13-й. Осипъ Дымовъ.
» 14-й. Альфредъ-Капюсъ.
» 15-й. Тэффи.
» 16-й. Маркъ Твенъ.
» 17-й. Янушъ Корчакъ.
» 18-й. Ксанрофъ.
» 19-й. Аркадій Аверченко.
» 20-й. Сафиръ.
» 21-й. Купринъ.
» 22-й. М. и А. Фишеръ.
» 23-й. Влад. Тихоновъ.
» 24-й. Джакобсъ.
» 25-й. Аркадій Аверченко.
» 26-й. А. Л. Келандъ.
» 27-й. Анри Лаведанъ.
» 28-й. О. Л. Д'Орь.
» 29-й. Жоржъ Куртелинь.
» 30-й. Ал. Будищевъ.

Вып. 31-й. Анстей.
» 32-й. Аркадій Аверченко.
» 33-й. Ришаръ О'Монруа.
» 34-й. А. Измайловъ.
» 35-й. Филиппъ Бергесъ.
» 36-й. Тэффи.
» 37-й. Жанъ Марни.
» 38-й. Вольфъ Пресберъ.
» 39-й. Аркадій Аверченко.
» 40-й. П. Веберъ.
» 41-й. Эдгаръ По.
» 42-й. Осипъ Дымовъ.
» 43-й. Вилли.
» 44-й. Влад. Азовъ.
» 45-й. Ж. Ориоль.
» 46-й. Рода-Р да.
» 47-й. А. Будищевъ.
» 48-й. Джакобсъ.
» 49-й. М. Кольбъ.
» 50-й. А. Аверченко.
» 51-й. А. Эрманъ.
» 52-й. Бретъ-Гартъ.
» 53-й. Г. Ландау.
» 54-й. Ксанрофъ.
» 55-й. А. Балачъ.
» 56-й. К. Милль.
» 57-й. М. и А. Фишеръ.
» 58-й. Уэльсъ.
» 59-й. И. Гуревичъ.
» 60-й. Джеромъ К. Джеромъ.

Вып. 61-й. Аркадій Аверченко.
» 62-й. Морисъ.
» 63-й. Эдгаръ По.
» 64-й. П. Ребу и Ш. Мюллеръ.
» 65-й. Тэффи.
» 66-й. Ж. Куртелинь.
» 67-й. Аркадій Аверченко.
» 68-й. Г. Жуссе.
» 69-й. О. Л. Д'Орь.
» 70-й. Марсель Прево.
» 71-й. Л. Меррикъ.
» 72-й. В. Пежинскій.
» 73-й. А. Эрманъ.
» 74-й. Аркадій Аверченко.
» 75-й. Тристанъ Бернаръ.
» 76-й. Джакобсъ.
» 77-й. Осипъ Дымовъ.
» 78-й. В. Ракочи.
» 79-й. Кистемэкеръ.
» 80-й. Сергѣй Горный.
» 81-й. Джекъ Лондонъ.
» 82-й. Рудольфъ Гиршбергъ-Юра.
» 83-й. Арк. Аверченко.
» 84-й. Джеромъ К. Джеромъ.
» 85-й. П. Веберъ.
» 86-й. Барри Пэнъ.
» 87-й. Ка ль Паули.
» 88-й. Жоржъ Куртелинь.
» 89-й. К. Милль.

Цѣна каждаго вып. 10 к.

Въ каждомъ выпускѣ помѣщено нѣсколько оригинальныхъ или переводныхъ юмористическихъ разсказовъ или одна законченная повѣсть.

Всѣ выпуски Дешевой Библиотеки „САТИРИКОНА“ состоятъ изъ произведеній, не появившихся въ журналѣ „Сатириконъ“.

Открыта подписка на 1913 годъ

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

Третій годъ изданія.

52 №№ еженедѣльн. богато-иллюстрирован. журнала (свыше 2000 иллюстр.).
Нѣкоторые №№ будутъ печататься въ двѣ краски.

Въ качествѣ бесплатнаго приложенія, всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разослано въ теченіе года: **12** ежемѣсячныхъ выпусковъ „Библиотеки Синяго Журнала“, въ которыхъ будутъ помѣщены произведенія слѣд. авторовъ: Джека Лондона, Идена, Фильпотъ, Гастона Леру, Уэльса, Арт. Конанъ-Дойль, Эдгара По и др.

Каждый выпускъ будетъ посвященъ одному автору.

Отдѣлы „Синяго Журнала“:

Беллетристика, кунсткамера, фотографія, спортъ, здѣсь и тамъ, театръ, иностранный юморъ, конкурсы, книжная полка, пѣна жизни, капканъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и перес. 3 руб., $\frac{1}{2}$ года 1 руб. 50 к., на 3 мѣс.—75 к., на 1 мѣс.—30 к.

Цѣна въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель М. Г. Корнфельдъ.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Фонтанка, № 80. Телефонъ 514-27.

1913



Продолжается подписка на 1913 годъ
на еженедѣльный литературно-художествен-
ный журналъ сатиры и юмора

САТИРИКОНЪ

Шестой годъ изданія.

52 №№ еженедѣльнаго литературно-художественнаго, богато-
иллюстрированнаго журнала Сатиры и Юмора.

Нѣкоторые №№ печатаются въ ДЕВЯТЬ красокъ.

24 тома библіотеки „САТИРИКОНА“ ИНОСТРАННЫЙ
ЮМОРЪ,

въ которыхъ будутъ помѣщены произведенія слѣдующихъ авторовъ:
Марка Твэна, Джерома К. Джерома, А. Лаведана, Ж. Куртелина, П. Вебера, Ю.
Бирбаума, Ф. Шентана, Ракочи, Джэка Лондона, Петтъ Риджа, Дависа, Фи-
липса, Киелланда, Марша, Джакобса, Рода-Рода, Пресбера и друг.

==== Каждый выпускъ будетъ посвященъ одному автору. =====

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Писатели: Леопидъ Андреевъ, Аркадій Аверченко, В. Азовъ, К. Ан-
типовъ, А. Зарницынъ, Арк. Буховъ, И. М. Василевскій (Не-Буква),
А. М. Василевскій, Б. Вилли, В. Воиновъ, Сергѣй Горный, Сергѣй Го-
родецкій (Сатиръ), Исидоръ Гуревичъ, Осипъ Дымовъ, А. Измайловъ,
В. Князевъ, Красный, М. Кузьминъ, А. Кугель, А. И. Купринъ, А.
Каменскій, О. Л. Д'Оръ, Иванъ Прутковъ, Г. Ландау, П. Потемкинъ,
А. Радаковъ, А. Рославлевъ, В. Сладковъ-Щевецъ, графъ Алексѣй Толстой,
Тэффи, Георгій Чулковъ, Н. Шебуевъ, Умановъ-Каплуновскій, Н. И.
Фалъевъ (Чужь-Чуженинъ) и друг. Художники: Б. Анисфельдъ, Л.
Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Бичибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гуль-
брансонъ, М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, А. В. Миссъ, Д. Митрохинъ,
А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. В. Ремизовъ, С. Чехонинъ,
О. Шарлеманъ, А. Юнгерь.

Редакторъ Аркадій Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Подписная цѣна съ приложеніями на годъ **6 руб.**

безъ доставки. Съ перес. и достав. 6 р. 50 к., Полгода 3 р. 25 к.,
3 мѣс. 1 р. 75 к., 1 мѣс. 60 к. Допускается разр.: при подпискѣ
3 р., 1-го іюня 2 р., 1-го октября 1 р. 50 к.

Цѣна № въ розничной продажѣ 15 коп. съ января 1913 г.

Адресъ главнѣй конторы: С.-Петербургъ, Фонтанка 80. Телеф. № 514-27.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Въ Москвѣ возникаетъ «Футиристскій» театр. Сотрудникъ «Гол. Москвы» рассказываетъ о немъ слѣдующее:

— Дѣйствіе происходитъ въ большомъ залѣ. Приходятъ люди, развѣшиваютъ по всѣмъ 4-мъ стѣнамъ декораціи, пестрыя, какъ китайскія картинки. Чтобы изобразить уходящую улицу, на сценѣ будетъ стоять фонарь, около него полфонаря, и затѣмъ еще четверть фонаря. Въмѣсто домовъ—сплошная черная линія и т. д., и т. д. Декораціи будутъ носить за дѣйствующими лицами.

Самое дѣйствіе будетъ происходить среди публики. Но для того, чтобы всѣмъ было одинаково хорошо видно, и чтобы передніе не загораживали находящимся позади поля зрѣнія, публика вся обявана лежать на полу (!).

Вѣроятно, охотники до всего чудеснаго—москвичи—валомъ повалятся на полъ; и, лежа на полу, станутъ любоваться на бродящихъ среди публики актеровъ, за которыми театральные плотники, крихтя, будутъ таскать декораціи. Если кому-нибудь и наступятъ сапогомъ на голову—ничего. Это просто обыкновенная перспектива: фонарь, около него полфонаря и затѣмъ, еще четверть фонаря.

А въ началѣ футуристы поясняютъ:

«Источной точкой новаго начинанія является слѣдующая мысль: театр нѣтъ, а есть современный человекъ и четыре стѣны».

Мысль правильная. Въ особенности, если четыре стѣны обиты мягкими матрацами, а современный человекъ одѣтъ въ рубашку съ длинными рукавами.

*

Газета «Мстинская Волна» написала юбилейный панегирикъ по случаю 10-лѣтняго юбилея своего сотрудника и секретаря Н. Н. Карпова (?):

...Вскорѣ онъ занялъ видное положеніе секретаря ред. «Мстинской Волны». (Вы, нѣтъшніе—нутка!).

...Какъ драматургъ, Ник. Ник. состоитъ членомъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей.

Вотъ это карьера!!

«Достигъ я высшей власти»,—смѣло можетъ сказать юбиляръ вмѣстѣ съ Борисомъ Годуновымъ.

*

Музыкальныя рецензіи въ «Петерб. Газетѣ» находятся, очевидно, въ опытныхъ рукахъ нѣжной институтки:

...Дуетикъ съ Маликой прошелъ чисто плотно...

Чистенько поетъ монологъ Хаджи...

...Пѣвица ласкаетъ ухо высокими нотками и трельками...

«Чистенькій дуэтикъ съ трельками ласкаетъ ушко»... У-у, дуса!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ «САТИРИКОНА».

А. Петербургъ.

63. Соболю.—«Супостать» и «по двадцатое» — отнюдь не рифмы.

Конечно, вы Соболю... Но если «соболиныя брови» считаются комплиментомъ, то «соболиная грамотность»—явленіе совѣмъ другого порядка.

64. Стрекозину.—Не подошло.

65. Петерб. стор. Зеленина—Кубусу.—Должны васъ завѣрить, что Луиза, жена Тозелли—принцесса Тосканская, а не «Тасканская», какъ вы пишете, и разъ это такъ—весь вашъ энергичный каламбуръ погибаетъ безо всякаго съ нашей стороны сожалѣнія.

Б. Провинція.

66. Самара—Гезесу.—Вы пишете:

«Какой-то модернистъ, уписывая сразу»...

Не знаемъ, какъ уписывалъ это блюдо модернистъ, но вы уписываете его безграмотно...

67. Троицкѣ.—И. И. Мук—ову.—«Пишу стихи и задыхаюсь въ этомъ болотѣ... Ахъ, если-бы вы выдрали меня отсюда!»

Съ удовольствіемъ; только оттуда неудобно. Пріѣзжайте сюда.

Москва.

68. Тору —

Дайте мѣткій лукъ тугой,

Съ тонкой крѣпкой тетивой.

Дайте стрѣлъ мнѣ калевыхъ,

Пару коней вороныхъ..

Все перечисленное будетъ выдано вамъ подъ расписку, при условіи, что вы на вороныхъ коняхъ уѣдете подальше.

69. Н. И. Москвичу. —

...Мои стихи—старинное вино,

И обращаться съ ними должно осторожно...

Мы ихъ сохраняемъ въ лежачемъ видѣ. Въ корзинѣ. Ничего?

Аге.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО М. Г. КОРНФЕЛЬДА.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА
МОРИСА МЕТЕРЛИКА

С М Е Р Т Ъ

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданій М. Г. Корнфельда, СПБ., Фонтанка, 80.



Мыло „Конекъ“

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрездекъ,

дѣлаетъ кожу мягкой и бархатной придаетъ свѣжій и молодой видъ и нѣжный ослѣпительно-прекрасный цвѣтъ лицу. Цѣна 50 коп. Имѣется въ продажѣ всѣхъ.

Требуйте только красную упаковку.

Главный складъ для Россійской Имперіи:
Химическаго химическаго препаратова,
С.-Петербургъ, Малая Конюшенная № 10.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОѢЗДКА ОСИПА ДЫМОВА
со своей новой драмой

„ВѢЧНЫЙ СТРАННИКЪ“

изъ еврейской жизни. — СПЕЦІАЛЬНАЯ ТРУППА ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ АВТОРА.

МАРШРУТЪ: Петербургъ—Рига—Двинскъ—Ковна—Минскъ—Гродна—Бѣлостокъ—
Вильна—Бердичевъ—Кіевъ—Одесса—Кишиневъ—Николаевъ—Екатеринославъ—Полтава.

Завѣд. труппой: Артистъ Императорскихъ театровъ В. В. Александровскій.

Администраторъ: В. Карповъ.

БИБЛИОТЕКА „СИНЯГО ЖУРНАЛА“

А. КОНАНЪ-ДОЙЛЬ.

СУМАСШЕДШИИ НА СВОБОДѢ.

Цѣна 75 коп.

МОРИСЪ РЕНАРЪ.

ДОКТОРЪ ЛЕРНЪ-ПОЛУБОГЪ.

Цѣна книги 1 руб. 50 коп.

МОРИСЪ РЕНАРЪ.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

КЛОДЪ ФАРРЕРЪ.

ДОМЪ ЛЮДЕЙ ЖИВЫХЪ.

Цѣна 1 р. 25 к. Переводъ съ французск. З. Н. Журавской.

А. МАСОНЪ.

УБИЙСТВО ВЪ РОЗОВОМЪ ПАВИЛЬОНѢ.

Переводъ съ англійскаго. Цѣна 1 руб. 25 коп.

БРЭМЪ СТОКЕРЪ.

ВАМПИРЪ (ГРАФЪ ДРАКУЛА).

Пер. съ англ. И. САНДРОВОЙ. Иллюстр. А. Р. ЭБЕРЛИНГА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

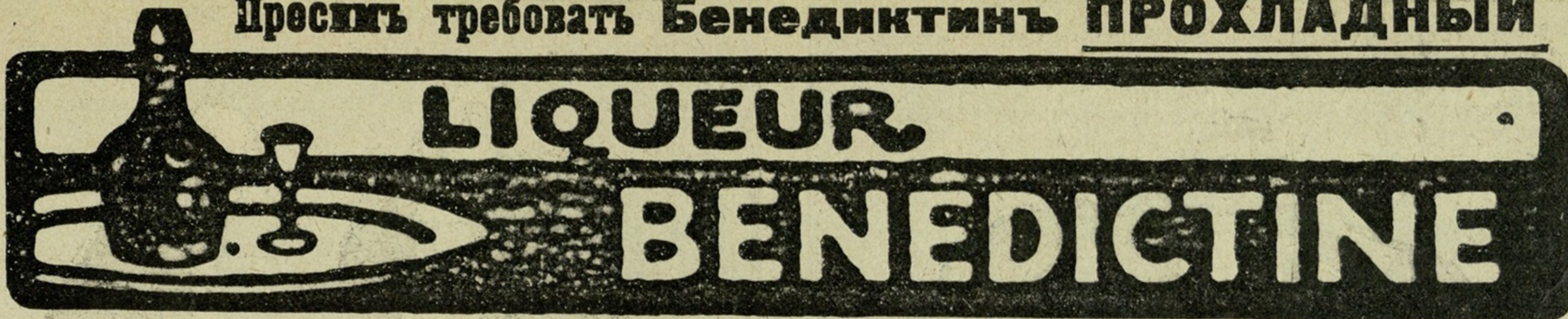
А. КОНАНЪ-ДОЙЛЬ.

ТАЙНА КЛУМБЕРА.

Цѣна 1 руб.

Складъ книгоиздательства: СПБ., Фонтанка, 80, Тел. 514-27.

Престижъ требовать Бенедиктинъ **ПРОХЛАДНЫМЪ**



Exiger la Bénédictine toujours glacée.

Verlangt Bénédictine stets gekühlt.



ЭЙЗЕНБЕРГСКИЙ ПАРКЪ СОБАКЪ
питомникъ и торговля породистыхъ собакъ
RICHTER & Co, Eisenberg, S. A. 52.

Высылка всѣхъ чистой породы собакъ отъ самыхъ большихъ показныхъ и сторожевыхъ до самыхъ маленькихъ комнатныхъ, а также всѣхъ породъ охотничьихъ. Специальность: «нѣмецкія овчарки» (полицейскія собаки). Отправка во всѣ страны міра, во всякое время года, съ ручательствомъ за прибытіе въ здоровомъ состояніи. Добросовѣстная и доступная условия. Изящный иллюстрированный альбомъ съ описаніемъ породъ 75 коп., невынужденныя благодарств. письма, лучше всего доказываютъ преимущество нашихъ поставокъ.
10337

ФОТО графич. снимки съ натуры парижск. жанра для мужчинъ любителей интересн. каталоги содержатъ около 200 разныхъ серій и другихъ новостей. Высылаю въ закрытомъ письмѣ по полученіи 3-хъ семикоп. марк. Адрес: М. Липмановичъ, Лодзь, 5. Петроковск. 83. P. S. Прошу сохранить адресъ.
10323

ФОТО графическіе снимки испанскіхъ и французскіхъ красавицъ. Русск. каталогъ 40 коп. почт. марками: Gelpert, Call Padua Barcelona, (Испанія).
10239

ФОТО графическіе снимки съ натуры только оригиналы для женщинъ-любителей новый интересн. пр.-кур. выс. въ закр. письмѣ по пол. 2-хъ семи коп. мар. Адрес: г. Лодзь, В. Фридману, Каменная, 9.—
10327.

925 ФОТО графич. снимковъ съ натуры парижск. жанра для мужчинъ любителей и художниковъ въ роскошн. альбомѣ загранич. работы. Высл. въ закр. пакетѣ за 2 р. 35 к. съ пер. нал. плат. на 15 к. дорож. Въ Сибирь 2 р. 75 к. и только по получ. стоим. можно марк. Адрес: Л. Франкфуртеръ, Лодзь 1, почта.
10322

ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ
Льготныя условия. Доступно всѣмъ. Проспекты бесплатно. **БАНКИРСКИЙ ДОМЪ Л. В. ЛАНДАУ и К^о**
ВАРШАВА БРАТСКАЯ 18

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга
А. МЮРЖЕ.
БОГЕМА.
Роскошное иллюстрированное изданіе. Цѣна 1 руб. 25 коп.
Складъ изданій М. Г. Корнфельда, Спб., Фонтанка, 80.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

ПРОДАЮТСЯ
исключительно въ собственн. магазинахъ Компаніи.

Разсрочка ПЛАТЕЖА

отъ **1** РУБ.



Ручныя МАШИНЫ

отъ **25** РУБ.

МАГАЗИННАЯ ВЫВѢСКА.

Остерегайтесь ПОДЪЛЮКЪ.

Магазины во всѣхъ ГОРОДАХЪ ИМПЕРІИ.

Открыта подписка на 1913 годъ
на ежедневную политическую, Литературную и экономическую газету

8-ой РѢЧЬ 8-ой
годъ изданія.

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
В. Д. НАБОКОВЫМЪ и И. И. ПЕТРУНКЕВИЧЕМЪ
при ближайшемъ участіи
П. Н. МИЛЮКОВА и І. В. ГЕССЕНА
и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты «РѢЧЬ» на 1913 г., внесшимъ до **1-го февраля** подписную плату не менѣе, чѣмъ за 1/2 года, будетъ, по примѣру этого года, расосланъ **бесплатно**

Ежегодникъ газеты «РѢЧЬ» на 1913 г., заключающій въ себѣ обзоръ важнѣйшихъ событій и теченій въ области политической, законодательной, общественной, промышленной, научно-литературной и художественной жизни Россіи за 1912 г.

Подписная цѣна:

	12 м.	9 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи Р.	12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15	1.10
За-границу Р.	20.—	15.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—	2.—

Для сельскихъ священниковъ и учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ главную контору: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ главной конторы газ. РѢЧЬ: Спб., ул. Жуковского, 21/23.

Пробные №№ газеты «РѢЧЬ» для ознакомленія высылаются **бесплатно**.

ТРИППЕРЪ
10308

гоноррея, перелой и овли въ острой и хронической формѣ быстро и радикально вылечиваетъ совершенно безвредное средство (для внутренняго употребл.)

«ТИОЛЕРИНЪ»
ДОКТОРЪ МЕДИЦИНЫ женеваго университета **ГОРОХОВСКОЙ.**
Цѣна ординар. флак. (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойн. 3 р. безъ пересылки. Подробное наставленіе при флаконѣ.—Высылаются наложен. платежомъ.

Въ случаѣ неизлеченія—возвращаю деньги обратно.
Адресъ: Д-ру медицинѣ **Э. М. ГОРОХОВСКОЙ**, Москва, Срѣтенка, Давы пер., д. 1/28 кв. 26. Отд. 10. Отпускъ средствъ отъ 9 ч. утра до 7 ч. вечера. Лично пріемъ отъ 2—6

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу альбомъ
ИНОСТРАННЫЯ КАРИКАТУРЫ
ПОСЛѢДНИХЪ ДНЕЙ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выписывающіе изъ книгоиздательства М. Г. Корнфельда, С.-Петербургъ, Фонтанка, 80, за пересылку не платятъ.

ЗНАТНЫЯ ДАМЫ



какъ и самыя знаменитыя по красотѣ артистки, отказались отъ употребленія Cold Cream (кольда-крема), который становится горькимъ и придаетъ лицу маслянистый видъ. Онѣ вмѣсто него употребляютъ:

CRÈME SIMON

(КРЕМЪ СИМОНЪ)

продуктъ прелестнаго запаха, никогда не портящійся и соединяющій съ тоническими и смягчительными свойствами драгоцѣнное преимущество сохранять цвѣтъ лица, прелесть и свѣжесть молодости. — **ПУДРА СИМОНЪ** (La Poudre Simon) и **МЫЛО КРЕМЪ СИМОНЪ** (Le Savon à la Crème Simon), того-же запаха что и **КРЕМЪ СИМОНЪ** и дополняютъ его замѣчательныя дѣятельн.

• **J. SIMON, 59, Faub. St-Martin, PARIS** •
Въ розницу продается у парикмахеровъ, парожеровъ и аптекарей.

3000 извѣстныхъ врачей и профессоровъ рекомендуютъ и примѣняютъ въ своей частной жизни наше патентованное гигиеническое средство, предохраняющее

ОТЪ ЗАЧАТІЯ.

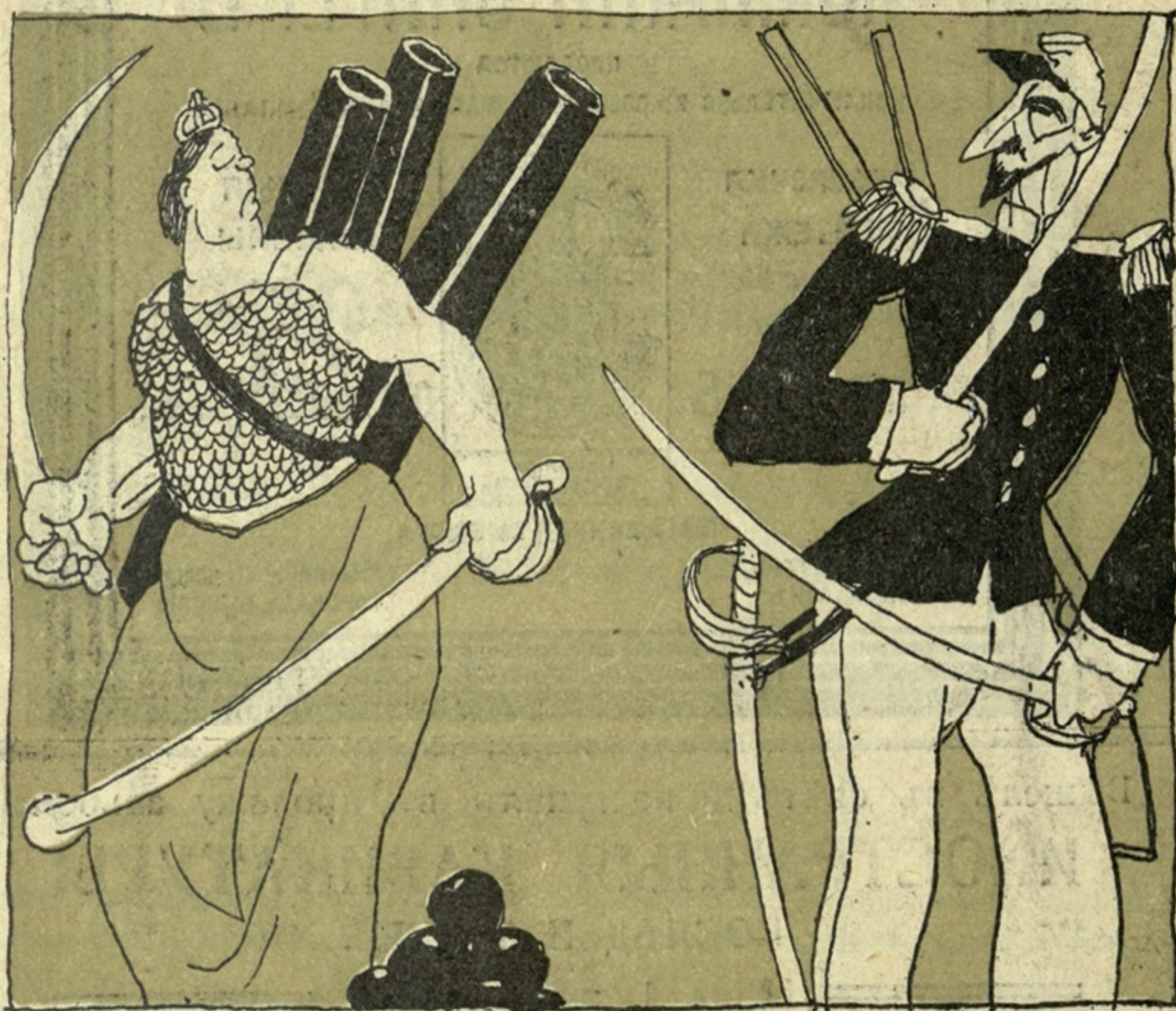
Наилучшее изъ существующихъ. Успѣхъ гарантируется. Стоимость средства 2 р. 50 коп., высылается налож. плат. Пересылка за счетъ покупателя. Въ Азіатскую Россію высылается только по полученіи задатка не менѣе 1 руб.

Женщины!

Адресъ: Главн. Отдѣл. Химической Лабораторіи,
МОСКВА, Брюсовскій п. № 6. Отд. 33/21. 10329

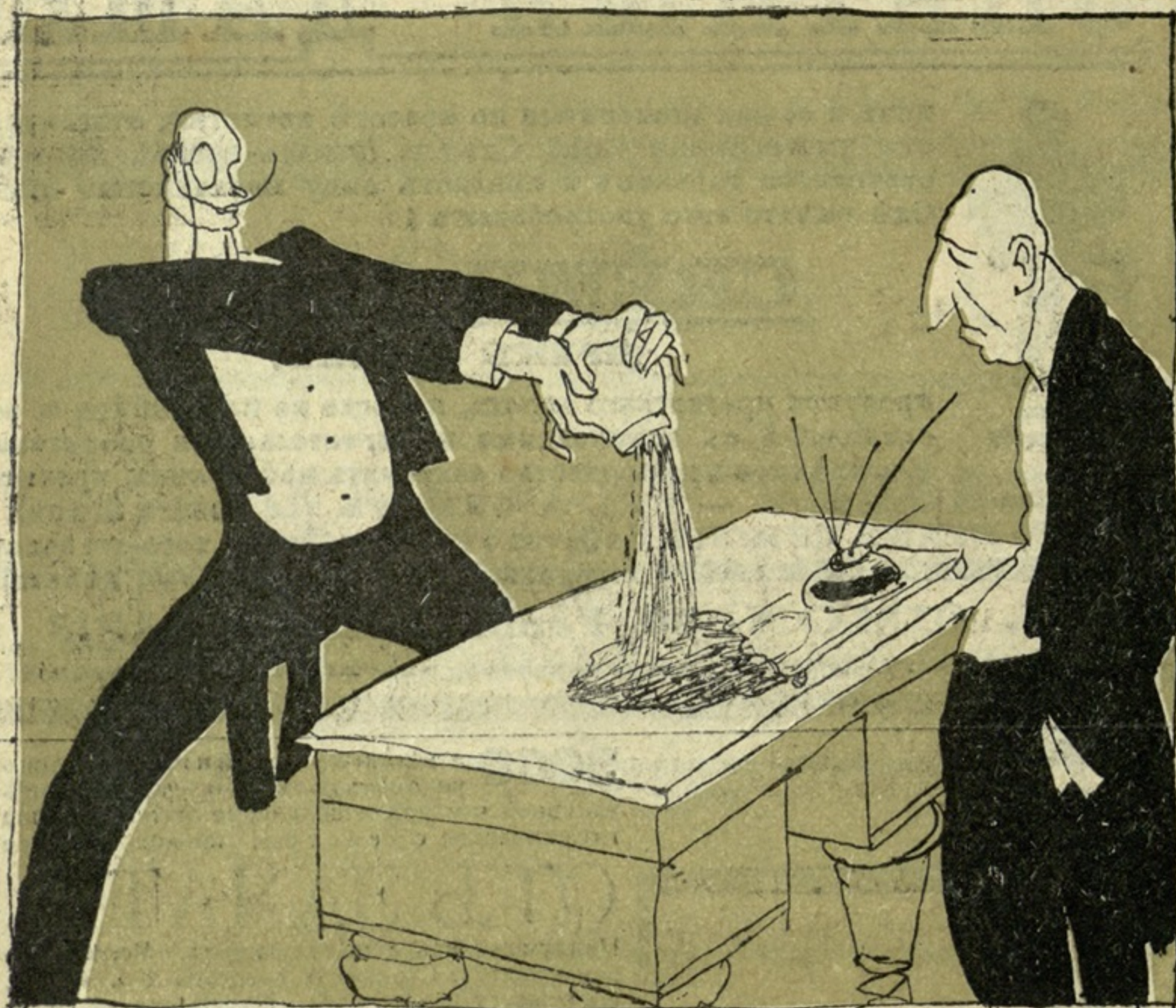


— Смотрите!—сказал старый дипломат молодому.—Китай проснулся, Китай вооружается, Китай грозит всем европейцам, живущим в нем! Что же вы предприняли, мой друг?
— Много... мы уже выбрали цвет для книги, в которую мы подробно запишем все случившееся. Ах! Это было так



— Смотри!—сказал старый дипломат.—Франция готова подраться с Германией, а там, глядишь, и Англия не отстанет, всюду смута, всюду беспокойно. Что же вы предприняли, мой друг, против этого?..

— Ах, не беспокойтесь... во-первых, мы заготовили целый транспорт стрелочников всевозможных национальностей, од-



— Не беспокойтесь, на всякий случай, у нас всегда есть старое, верное, испытанное средство.

— Какое же это, друг мой?!

— Видите на моей чернильнице эту огромную песочницу?

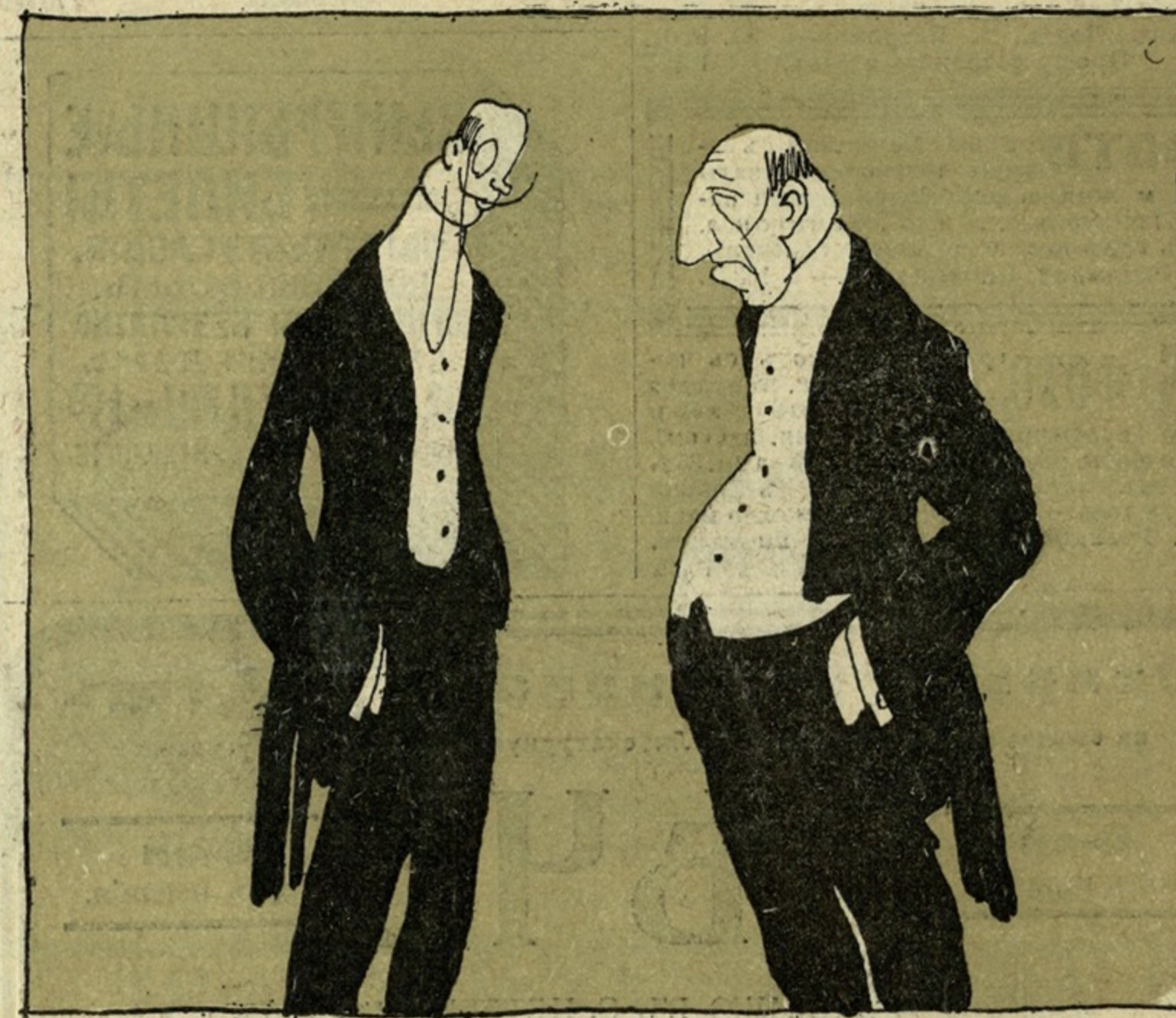
— Ну, вижу!

— Наступает трудное для нас время.—наши ноты замуше-



трудно. Оранжевые, малиновые, синие, красные—все уж есть. Но мы выбрали совсем особый цвет «Цвет Жизнерадостного»—зеленоватый с синими пятнами. Очень, очень мило.

— Вы думаете, что это будет хорошо?



тых на казенный счет очень красиво, со вкусом. Поставили на холодь несколько ящиков с нотами, чтобы не портились, заготовили бумаги, несколько бочек чернил и т. д.

— Гм... по существу ли все это, мой друг, смотрите, не промахнитесь.



ны пушками, наши перья заменили штыки, писать нам больше нечего, и я со спокойной совестью высыпал песок на стол, и подражая, знаете, той птичке, которая еще водится на дамских шляпках, прячу голову в песок... вот так...

— Ах, милый мой, вы с этого бы и начали! Хорошо, очень хорошо...

3-75
1874/387